П. КОЛОНИЦКИЙ

СЛОВО О ЗАКОНЕ БОЖЬЕМ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

П. КОЛОНИЦКИЙ

СЛОВО О ЗАКОНЕ БОЖЬЕМ

Беседы о религиозной нравственности

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1966

2.
К—613.

В книге рассмотрены основные положения религиозной нравственности, показано, какую роль играла и играет сейчас религиозная мораль в жизни человеческого общества, как она мешает строительству коммунизма. Автор как бы ведет беседу-спор с защитниками религиозной нравственности, противопоставляя их доводам доводы науки и здравого смысла. Стержень спора — несовместимость морального кодекса строителя коммунизма и закона божьего.

Книга рассчитана на тех, кто еще продолжает придерживаться закона божьего. Она принесет немалую пользу и неверующим, особенно тем, кто ведет пропаганду научного атеизма.

Автор и издательство будут благодарны читателям за отзывы о книге «Слово о законе божьем». Письма просим присылать по адресу: Москва, проезд Владимирова, 6, издательство «Московский рабочий».

1—5—8

Закон божий — это церковное учение о якобы богом предписанных правилах жизни и деятельности человека.

Правда, единого, сколько-нибудь цельного учения о законе божьем не существует. Каждая церковь считает истинным только своего бога, всех же остальных объявляет ложными. Поэтому каждая церковь считает истинным только свое толкование закона божьего.

Однако с точки зрения всех церквей бог есть некое сверхъестественное существо, стоящее над миром и диктующее ему свои законы. Все современные религии порождены одинаковыми причинами и имеют одно и то же общественное назначение. Все церкви призваны выполнять в обществе одну и ту же функцию, играть одну и ту же роль. Поэтому между различными вероучениями существенной разницы нет. Следовательно, нет и существенных различий в толковании закона божьего. Правила жизни и деятельности человека, преподносимые каждым вероучением от имени своего бога, при всех различиях совпадают в главном, наиболее существенном. Поэтому, раскрывая содержание церковного учения о законе божьем, нет нужды рассматривать все вероучения. Достаточно рассмотреть толкование закона божьего

хотя бы каким-либо одним вероучением, например христианством, чтобы тем самым уяснить наиболее важное и существенное о поучениях и правилах поведения человека, вытекающих из всякой религии.

Человек, согласно учению всех церквей, — венец божественного творения, возлюбленное чадо господне. Все, что существует в мире, и мир в целом — все это создано в свое время богом ради человека и для человека. Вокруг человека вертится весь мир, вся Вселенная — от неба до земли, от гигантских небесных тел до былинки, затерявшейся где-то в мире.

Разумеется, за такое благодеяние человек с самого начала должен был бы чувствовать себя в неоплатном долгу перед богом. Еще бы! Ведь бог извлек его из вечного небытия, дал ему жизнь, создал для него землю, небесные светила, растительный и животный мир, сразу же поселил человека в рай и, по всей видимости, хотел только одного — вечного благоденствия, нескончаемого счастья человеку. По безграничной благости своей бог за все это, согласно, например, Библии, ничего и не требовал от человека, кроме чувства благодарности за содеянное и исполнения совсем несложного наказа: не лезть в премудрые дела божьи, не любопытствовать, что к чему, знать свое человечье место.

Но, как оказалось вопреки ожиданию господнему, человек в лице наших прародителей Адама и Евы не удержался в отведенных ему рамках. Вкушением запретного плода от дерева познания добра и зла он дерзнул узнать то, что ему знать не положено, и... все пошло иначе! С тех пор, то есть, можно сказать, с первого своего шага, человек лишился бессмертия, был изгнан из рая, поселен на грешной земле для отбывания наказания за грехи. И хотя виновников сего зла давно уже нет в живых, отбывание наказания продолжается, и неизвестно, когда кончится. А подавляющему большинству

людей, как это следует из религиозного учения, не обещает ничего хорошего и конец, за которым их ждет преисподняя — страна нескончаемого стона людского и скрежета зубовного...

Не будем говорить, насколько это справедливо (об этом речь ниже). Но ясно одно — земная жизнь, согласно религиозному учению, предназначена исключительно для искупления грехов. Строго говоря, это даже не жизнь, а нечто вроде карантина, специально предназначенного для того, чтобы испытать людей, отделить праведников от грешников. А если говорить еще более прямо, то это нечто вроде предварительного заключения перед страшным судом божьим, который решит окончательную судьбу каждого из нас — кого в рай, а кого в ад. Каков будет приговор суда, покажет будущее, а пока... пока надо искупать вину, отбывать наказание, безропотно и терпеливо исполнять все, что предписано богом. И это «пока» будет продолжаться всю жизнь, до самого смертного часа. Недаром земная жизнь именуется в церковных писаниях «страной изгнания», «юдолью скорби и печали».

Стало быть, в чем же заключаются требования закона божьего?

В первичном варианте закона божьего не содержалось сколько-нибудь строгих правил жизни и поведения человека. Это объясняется, видимо, тем, что человек, только что вышедший из рук творца, был чист и непорочен. Предупреждать его о том, чтобы он не творил зло, допустим, не убивал, не воровал, не прелюбодействовал и т. п., означало бы только унижать его достоинство. Для такого человека это разумелось само собой. Поэтому в законе божьем содержалось, по сути дела, лишь одно предупреждение: среди неисчерпаемого обилия плодов райского сада не трогать плодов только с одного-единственного дерева. Только и всего! Но поскольку, как

оказалось вопреки всем ожиданиям, человек даже с этим весьма простым предупреждением посчитаться не пожелал и показал себя совсем не тем, чем хотел его видеть бог, пришлось первоначальный вариант закона божьего основательно переработать. Теперь этот закон адресован человеку падшему, недостойному, погрязшему во грехах. Само собой разумеется, что и его содержание должно было коренным образом измениться. Теперь это не столько правила жизни и деятельности образа божьего в лице человека, сколько правила для провинившегося, отбывающего наказание.

Чего же, согласно учению церкви, требует бог от людей в кодексе своего законодательства?

Первоисточником закона божьего являются так называемые «священные» книги. Содержание их в большей части весьма туманно, двусмысленно, загадочно. На каждой странице, чуть ли не в каждой строке нужно уметь находить кроме прямого и некий особый, сокровенный смысл. А такое умение дано далеко не всякому. В полной мере им обладают только священнослужители, «святая» церковь. Поэтому только они правомочны толковать закон божий. Всем же рядовым, обыкновенным людям надлежит положиться на то, что говорят служители церкви.

Требования закона божьего разбросаны отдельными заповедями, изречениями, повелениями по всем церковным книгам. Они содержатся в описаниях отдельных событий, из которых вытекают те или иные назидательные выводы, высказываются в многочисленных наставлениях «отцов церкви». В этих требованиях можно найти и оправдание и осуждение одних и тех же поступков. Даже в святая святых — Библии, написанной, как свидетельствует сама же Библия, по непосредственному вдохновению божьему, содержатся противоречивые, нередко взаимоисключающие поучения, которые можно толко-

вать и так и эдак. В них имеются и оправдания массовых убийств и заповедь «не убивай», и призывы к мщению (око за око, зуб за зуб) и проповедь непротивления злу насилием (если тебя ударили по одной щеке, подставь и другую), и поучения нетерпимости, презрения к инаковерующим и лозунги о всеобщем братстве и любви, и многое другое в таком же духе.

Но сколько бы ни были разноречивы поучения закона божьего, через все его содержание красной нитью проходит идея о том, что бог — все, а человек — ничто. Человек — это червь, тварь, раб божий, да к тому же еще погрязший во грехах. Его удел угождать богу, стоять перед ним на коленях, замаливать свои грехи. А бог что хочет, то и делает: кого хочет — милует, а кого хочет — наказывает. Бог ни перед кем ни за что не отвечает: он сам себе закон, сам себе судья...

На нашем человеческом языке это называется произволом, полнейшим беззаконием.

„БЛАЖЕННЫ НЕВИДЕВШИЕ И УВЕРОВАВШИЕ“

Самым важным для человека является вера в бога, и в первую очередь вера в то, что бог есть. Какие бы то ни были сомнения насчет «бытия божьего», не говоря уж о неверии, недопустимы. Это — большой грех. Церковь предупреждает, что потерять веру в бога — величайшее несчастье. Если вы потеряли веру — значит, бог отвернулся от вас, оставил вас с глазу на глаз с дьяволом.

Между богом и дьяволом издавна, по церковному учению, идет борьба за душу человека. Стоит кому-либо из нас хоть на миг забыть о боге, потерять его из виду — дьявол тут как тут! Только для того и существую-

щий, чтобы совращать людей с пути истинного, он норовит воспользоваться любым замешательством, чтобы отвлечь нас от бога, завладеть нашим сердцем и затащить в свои сети. Поэтому церковь призывает нас всегда и всюду — где бы мы ни были и чем бы ни были заняты — помнить о боге, не спускать с него, так сказать, наших духовных глаз, неотступно следовать за ним.

Человеку одному, без посторонней помощи трудно и даже невозможно бороться с искушениями дьявола. Но на то есть «святая» церковь, которая в христианском вероучении почитается даже невестой сына божия — Иисуса Христа. Ей завещана от бога величайшая миссия — охранять и крепить веру и этим спасать нас от гибели. Верующему непрестанно говорят: не пренебрегай заботой со стороны церкви, следуй ее советам, ибо она поможет уберечь веру и остаться с богом. А все остальное, как явствует из религиозного вероучения, приложится.

Таким образом, первым требованием закона божьего является вера в бога, в божественный промысел, в загробную жизнь, царствие небесное и все прочее. Исходя из этого требования и охраняя его, церковь на протяжении всей своей истории и особенно в наше время ведет отчаянную борьбу с распространением неверия.

Однако как ни странно, несмотря на усилия церкви, чем дальше, тем больше гаснет религиозная вера и возрастает неверие. Старания церкви становятся все менее успешными. Люди один за другим отходят от религии и церкви, выходят из-под власти закона божьего. И не только в нашей стране и других странах социализма, где произошел массовый отход от религии и церкви и где безраздельно господствует безбожие, научно-атеистический взгляд на мир. Это наблюдается и в капиталистических странах, где все средства воздействия на созна-

ние людей поставлены на службу религиозного воспитания.

В течение четырех последних лет каждую осень по два-три месяца заседал 2-й Ватиканский (или 21-й Вселенский) собор католической церкви. Отцы церкви, съезжавшиеся в Рим со всех стран мира, где есть католицизм, обсуждали весьма обширный круг вопросов, предусмотренных повесткой дня собора. Речь шла и о порядке богослужения, и об источниках откровения, и о единстве церквей христианского вероисповедания, и о взаимоотношении с другими церквами, и о многом другом. Но как бы ни были многочисленны и разнообразны эти вопросы, все они подчинены решению одной неотложной задачи: что сделать для того, чтобы спасти веру, предотвратить рост безразличия к религии, предвещающее всеобщее неверие, то есть смерть религии?

В чем же дело? Почему люди, и не отдельные люди, а все более широкие массы людей не хотят идти за богом? Неужто они настолько безумны, чтобы отказаться от царствия небесного и направиться в ужасную бездну преисподней? Казалось бы, если есть хоть самое слабенькое, самое шаткое основание для веры в то, что бог есть, нужно всем существом своим держаться за веру и ни в коем случае не допустить ее утраты. Ведь риск-то какой — вместо вечного блаженства получить вечные муки! Пусть доводы в пользу «бытия божьего» малоубедительны или даже вовсе ничего не стоят. Ведь речь-то о чем идет? Когда люди хотят подчеркнуть самую высокую степень важности чего-либо, то говорят обычно, что речь идет о том, быть или не быть, жить или умереть. Но ведь здесь речь идет о чем-то несравненно более важном, чем даже жизнь. Как бы ни была дорога жизнь и как бы ни было жаль ее потерять — это же, по учению церкви, сущий пустяк в срав-

нении с тем, чего мы лишаемся и на что обрекаем себя, отходя от веры в бога.

Да, если признать, что бог есть, тогда и впрямь, кроме веры в бога, ничего не надо. В таком случае все мирские дела и заботы, вся человеческая жизнь теряет всякий смысл. Тогда только есть одна забота: всеми силами крепить веру, посвятить себя молитве, целиком и без остатка отдаться богу. Все же остальное — тлен и бренность.

Однако для веры в «бытие божье» слишком мало оснований. Конечно, за вечное блаженство в раю действительно можно все отдать, все перенести. Но где гарантии, что таковое существует? Да что уж говорить о гарантиях! Где хотя бы сколько-нибудь веские доводы? Таковых нет. Есть только голые, ни на чем не основанные да к тому же еще крайне противоречивые уверения. Веские же доводы есть не в пользу «бытия божьего», а в пользу того, что бога нет.

«Отцы церкви» заявляют, что вера в то, что бог есть, разумеется сама собой и не нуждается ни в каких доводах. Достаточно-де открыть глаза, чтобы сразу же убедиться в «бытии божьем» и его безграничной мудрости. Существование мира и нас самих — разве из самого этого факта не следует со всей очевидностью, что бог есть. Если бы бога не было, откуда бы все это взялось?

Конечно, в свое время, когда еще не было накоплено достаточно научных знаний и когда был крайне беден опыт человека, такая ссылка могла казаться неотразимой.

Надо сказать, что среди наиболее непросвещенных людей она и сейчас имеет вес. Скажите такому человеку, что бога нет, и он тут же поставит вопрос: «А откуда же все взялось?», считая, что на этом, собственно, разговор окончен.

Но ведь даже в те времена, когда наука могла сказать очень мало, находились люди, отвергающие такую ссылку как заведомо ложную. Они понимали, что идея бога для решения поставленного вопроса ровным счетом ничего не дает. Если поверить, что земля, солнце, все, что вокруг нас, и мы сами созданы богом, то вопрос «откуда все взялось?» снимается только по видимости, а по существу он остается нетронутым. На его место становится не менее навязчивый и уж подавно неразрешимый вопрос: «А откуда же взялся бог?»

Церкви свойственно подобные вопросы отвергать с порога. Вникать в дела божьи, как учит церковь, человеку не положено. Тем не менее этот вопрос стоит, и отделаться от него невозможно никакими запретами. Хочешь не хочешь, а отвечать надо.

Церковь учит, что бог существует вечно и, следовательно, никогда ниоткуда не брался. Человек, которого с молоком матери приучили ни до чего не допытываться, чаще всего удовлетворяется таким ответом. Он не замечает, упускает из виду, что вопрос-то не решен, а только отодвинут, спрятан и этим еще более усложнен.

Сила церкви и религии (если можно назвать это силой) в том и состоит, что находящийся под их влиянием человек по мере возможности отводит глаза от действительности, глушит голос разума. Скажи такому человеку, что мир существует вечно, и он сочтет это невероятным и даже будет уличать вас в том, что вы увертываетесь от ответа. Но скажите ему о вечности бога, он, что называется, и глазом не моргнет. Это ему кажется естественным и понятным, и никаких вопросов по такому поводу у него, как правило, не возникает. Спрашивается: почему, на каком основании? Разве вечность невидимого, неслышимого, непостижимого, короче говоря, несуществующего бога легче понять, чем вечность видимой, ощутимой природы, находящейся всегда перед нами?

Наука давно уже доказала, что в мире все совершается естественным путем. Нет никаких предметов и явлений, которые нельзя было бы объяснить естественными причинами. То, что мы не знали вчера, — узнали сегодня, а что не знаем сегодня — узнаем завтра, и так без конца. Было время, когда наука не могла еще дать ответа на наиболее коренные вопросы миропонимания, как, например, из чего и как образовались земля, солнце, звезды, вся окружающая нас природа; каким образом возникла жизнь на земле; где, когда и каким образом появились первые люди? Ну а где слаба наука, там всегда процветала религия.

Теперь на все эти вопросы даны достаточно убедительные ответы, которые известны в наше время даже школьнику. После этого для бога не осталось больше серьезных дел в мире, а пробавляться недоделками, жить за счет тех или иных трудностей науки, — это уж для такого существа, как бог, прямо скажем, недостойно.

Вообще-то говоря, у науки и сейчас есть да и всегда будут вопросы, которые еще не решены. Такова уж особенность человеческого знания. Чем больше решается вопросов, тем больше на этой основе их возникает вновь. И конца этому нет. Можно сказать даже так, что у нашего далекого предка — первобытного человека, знавшего очень и очень мало, было гораздо меньше нерешенных вопросов, чем у нашего современника, проникшего в далекие, прежде недосягаемые миры, разрешившего бесчисленное множество загадок, над которыми наш предок даже и не задумывался. А если идти еще дальше и посмотреть в этом плане на мир животных, из которого в конечном счете вышел человек, то там и вовсе никаких вопросов нет.

Но из этого никак не следует, что чем дальше развивается человеческое знание и чем больше возникает

проблем, тем все более широкое поле деятельности открывается для богословия, для которого, как уже говорилось, нерешенные вопросы составляют хлеб насущный. Все дело в том, что вопросы вопросам рознь. Как бы ни были грандиозны проблемы современной науки, в них нет ничего мистического. Они родились совершенно на другой почве по сравнению с теми проблемами, которые возникали в прежние, донаучные времена. В наше время всякому мало-мальски образованному человеку ясно, что новые проблемы науки являются всего лишь очередными ступенями человеческого знания, которые будут так же пройдены, как пройдены все предыдущие. Для науки хотя есть и всегда будут нерешенные вопросы, но нет вопросов неразрешимых. Поэтому в наше время нерешенные вопросы сами по себе не порождают веры в нечто высшее, недоступное человеку, потустороннее. Наоборот, они служат свидетельством могущества человеческого разума, неограниченных возможностей человека. На современном уровне знаний могут делать мистические выводы из нерешенных проблем науки только профессиональные защитники веры в бога, способные в корыстных целях извращать подлинное содержание научных данных. Теперь только им, профессионалам, свойственно ставить науке, как говорится, «каждое лыко в строку», использовать малейшую ее трудность. Но каждому непредубежденному и мало-мальски просвещенному человеку ясно, что это спекуляция, нарочитое извращение истины.

Во избежание полного банкротства богословию приходится приспосабливаться к новым условиям, менять вечные и нерушимые установления господние. Если на протяжении всей своей прежней истории церковь проклинала науку, объявила ее врагом истины, то теперь ищет союза с ней. То, за что в свое время, когда имела власть, церковь посылала людей на костер инквизиции, теперь

утверждает сама, только, разумеется, по-своему. Теперь церковь говорит, что знания и вера вполне совместимы и, даже более того, знания становятся истинными, подлинно научными... только при свете веры в бога.

Пытаясь во что бы то ни стало отстоять поле деятельности для религии, богословы вносят соответствующие изменения в понятие самого бога, еще более затуманивая его. Это-де существо, которое присутствует везде и во всем и вместе с тем в чистом виде, отдельном от мира, его нет нигде. Если на основе библейских мифов можно было о боге составить хоть какое-нибудь представление, то теперь это нечто такое, что и вообразить нельзя.

Такие новшества — палка о двух концах. Желая как-то согласовать понятие бога с современным уровнем и характером научных знаний, богословы, с одной стороны, спасают веру от полного банкротства, а с другой — содействуют банкротству. Ведь не искушенный в науках человек верует, так сказать, в нормального бога, а не в богословский суррогат, заменитель бога. Разумеется, в окружающем нас мире нет места ни для того, ни для другого. Но первый по крайней мере существует в сердцах искренне заблуждающихся верующих людей, тогда как второй — лишь в сочинениях современных богословов, не верящих ни в бога, ни в черта. С таким «богом» далеко не уедешь и массу верующих за ним (а лучше сказать, за собой) далеко не уведешь.

Наиболее характерным для современного богословия является отожествление бога с мировой закономерностью. Сложившийся в мире определенный порядок, которому подчинена вся Вселенная, есть, согласно богословской премудрости, некий мировой дух, мировой разум, иначе говоря, бог. Не будь бога, мир, по уверению богословов, представлял бы собой грандиозную неразбериху, хаос, беспорядочное нагромождение фактов и

событий, где не было бы никаких правил и законов и где поэтому была бы невозможна человеческая и всякая иная жизнь. То, что планеты и в том числе наша матушка-земля движутся по своим орбитам, не задевая друг друга, что в нашей земной жизни каждый раз в определенном порядке сменяют друг друга времена года, что за днем следует ночь, а за ночью день, что определенные следствия с необходимостью следуют из определенных причин, что у людей и других живых существ имеются глаза, чтобы видеть, легкие, чтобы дышать, и т. д. и т. п., — во всем этом, по церковному учению, проявляется мудрость высшего законодателя, воплощается воля и разум бога.

Богословам как бы невдомек, что именно в том случае, если бы существовал бог, ничего этого не было бы. Они всячески затуманивают тот факт, что законы потому и законы, что они объективны, то есть ни от кого и ни от чего не зависимы, что никто по своему произволу не может ни отменить их, ни заменить другими законами. Это законы самой природы, самой вне нас существующей действительности, именуемой материей.

У природы, у материи все ясно, определенно, доступно нашему пониманию. На природу можно положиться. Она не меняег своих «замыслов» по произволу, а подчиняется строгим правилам. Тела всегда от тепла расширяются, а от холода сжимаются. Вода кипит в нормальных условиях при ста градусах по Цельсию, а не как ей «вздумается». Все предметы, если они тяжелее воздуха, падают всегда вниз, к центру земли, а не как попало. И так во всем. Это строгие правила, которые никто, включая саму материю, отменить или заменить другими правилами не может. Они не привнесены в природу, в материю откуда-то извне и, являясь ее собственными законами, так же несотворимы и неуничтожаемы, как сама природа.

В пределах того, что человек изучил, познал, проверил на практике, он может быть уверенным, что обладает истиной и что в своих действиях может рассчитывать на успех, на достижение того результата, которого ждет от своих действий. Например, если люди посеяли пшеницу, то могут не сомневаться, что взойдет именно пшеница, а не картофель или что-нибудь еще. В своей повседневной деятельности люди даже не задумываются над чем-нибудь подобным. Это для них разумеется само собой. Но люди потому и не задумываются, что в материальном мире существует определенный порядок, который никто не в силах нарушить, отменить.

Другое дело бог. Согласно учению церкви, все в мире находится «в руце божьей». «Без бога ни до порога», — гласит пословица, выражающая эту идею религии. А бог, согласно религии, существо одушевленное, наделенное сознанием и волей, да к тому же ничем в своих действиях не обусловленное, не ограниченное. Бог мог бы, если бы он существовал, по своему произволу отменять одни законы и заменять их другими, то и дело нарушать естественный ход вещей.

Существует, например, закон, согласно которому нельзя ни пылинки, ни атома создать из ничего, не говоря уж о более значительных предметах и вещах. Одни предметы возникают из других или превращаются в другие, но ничто не возникает из ничего и не исчезает бесследно. В свете этого непреложного закона весь окружающий нас мир, все мироздание предстает как нечто вечно изменяющееся, но вечно существующее, не имеющее ни начала, ни конца как в прошлом, так и в будущем.

Богу же, согласно церковному учению, и это не закон. Ему, мол, не стоило больших трудов создать из ничего целый мир. С тем большим успехом бог мог бы, если бы захотел, уничтожить мир, превратить его в ничто. Что

же касается всего того, что происходит повседневно в мире, в том числе в жизни человека, то тут уж и подавно богу ничего не стоит по своему произволу или простому капризу все ставить вверх дном.

Мы, люди, тоже существа одушевленные, наделены сознанием и волей. Но наше сознание и наша воля обусловлены окружающей действительностью, закономерностями материального мира, из которых выпрыгнуть никто из нас не может. Мы можем многого добиться и добиваемся вплоть до завоевания космоса. Но все наши успехи в борьбе за овладение силами природы основаны не на нарушении законов, а на их соблюдении. Мы и побеждаем природу благодаря тому, что подчиняемся ей, не игнорируем, а соблюдаем ее законы, действуем в строгом соответствии с ними.

А если бы был бог и если бы все в мире подчинялось воле божьей, как об этом твердит церковь, то разве могло бы быть что-нибудь подобное? В мире во главе с богом вместо определенных правил и законов, на которые человек может ориентироваться в своей деятельности и добиться успехов, действовала бы ничем не обусловленная воля божья. Ведь богу никто и ничто не указ. Ему ничего не стоило бы сделать так, чтобы сегодня тела падали вниз, а завтра летели вверх; нынче из пшеничного зерна вырастала бы пшеница, а в следующий раз что-нибудь совсем другое; один раз от тепла нам было бы тепло, а от холода холодно, а в другой — наоборот.

Ясно, что в действительности так не бывает и быть не может. Даже такая постановка вопроса выглядит более чем странной. Но ведь если бы в мире верховодила ничем не обусловленная, никаким законам не подчиненная воля бога, так оно и было бы.

В мире, в жизни, повторяем, действуют строгие правила. Мир живет и развивается по законам материи, а не по воле бога. Если же мысленно на место мате-

рии поставить бога, то вместе с этим приходится начисто зачеркнуть и те законы, на которых построена вся наша деятельность, те твердые и действительно нерушимые правила, которыми мы руководствуемся в повседневной жизни. Вместо определенных правил во взаимоотношениях между вещами, вместо строгой закономерности господствовала бы полная неразбериха. Тогда человеку, не говоря уж о любой другой твари божьей, нельзя было бы и шагу шагнуть, а не то, чтобы что-то предвидеть и добиваться каких-то успехов в своей деятельности. Тогда бы и впрямь человек был бы червем, микробом и, того меньше, — ничем, ибо жизнь да и мир вообще в том виде, как они в действительности существуют, были бы невозможны. Мир как нечто незыблемое, устойчивое, закономерное только и возможен без бога.

Не последнее место в защите идеи «бытия божьего» всегда была и остается поныне ссылка на само существование веры в бога. Раз есть люди, верующие в бога, значит, рассуждают служители церкви, есть и бог.

Но ведь если наличие верующих считать доводом в пользу идеи «бытия божьего», то наличие неверующих с тем бо̀льшим правом следовало бы считать доводом против такой идеи. Почему с бо̀льшим? Да хотя бы потому, что для того, чтобы идти за богом, не требуется уверенности в его бытии. Достаточно поверить тому, что говорит церковь. Тогда как пойти против бога можно только при полной уверенности, что его нет.

Принято говорить о религиозных убеждениях. Но ведь, если разобраться, это неверно. Убежденным можно быть только в том, что доказано, что видишь, слышишь, воспринимаешь каким-нибудь из органов чувств, что проверено на опыте. Бога же никто никогда не видел и не слышал. Да и для того чтобы заранее отделаться от докучливых вопросов на этот счет, богословы объяви-

ли, что бога и нельзя видеть. Бог — это некое невидимое, неслышимое, неосязаемое существо. Как же можно быть убежденным в существовании того, кто не обладает, по сути дела, ни одним из тех свойств, на основании которого можно было бы признать его существующим? С точки зрения обыкновенного человека, не побывавшего на выучке у богослова, такое существо может существовать только в фантазии, а не в действительности.

Среди верующих вряд ли найдешь человека, который, положа руку на сердце, мог бы заявить, что у него нет никаких колебаний в вере, что его не мучают сомнения, подтачивающие веру. Другое дело, что он не то что кому-нибудь, а порой даже себе самому боится признаться в этом. Как человеку трезвому, не утратившему способности видеть жизнь такой, какая она есть, ему трудно отделаться от мысли, что все, чему учит церковь, нельзя принимать всерьез, что вера в бога и некую иную, загробную жизнь ни на чем не основана. Но как человеку верующему с детства, с того времени, когда он еще не умел самостоятельно рассуждать, ему свойственно, вопреки очевидности, опасаться: а вдруг! А вдруг, вопреки сомнениям и даже очевидным фактам, бог все же как-нибудь существует, — что тогда? Шутка ли дело — вечные мучения в аду!

Что же касается неверующего, то он не просто верит, что бога нет, а глубоко убежден в этом. Иначе как же он мог бы пойти на то, чтобы отвергать веру? Если бы у него были хоть малейшие сомнения в правоте своего неверия, в достоверности безбожия, разве он стал бы подвергать себя столь ужасной опасности? Конечно же, нет. На свете есть всякие люди — слабые и сильные, пессимисты и оптимисты, трусливые и мужественные и т. д. Но никто не враг самому себе. Никто не согласился бы вместо райского блаженства поджариваться на адской плите.

Там, где речь идет о вечности, для риска места нет. Если бы религиозная вера располагала пусть самым слабым, но заслуживающим какого-то внимания доводом в свою пользу, кто же из нормальных людей мог бы пойти на то, чтобы отвергнуть ее? Ведь этим ставится на карту все. И даже большее, чем все. Когда мы говорим «все», то имеем в виду все земное, реальное, включая самую жизнь. Здесь же речь идет о том, что, по учению церкви, простирается бесконечно далеко за пределы реального, о некоей вечной жизни в некоем потустороннем, загробном мире. И кто стал бы играть со столь опасным огнем, если бы не был абсолютно уверен, что разговоры о некоем том свете и все учение церкви от начала и до конца — плод досужего вымысла, пустая фантазия, не имеющая ничего общего с действительностью. Если бы церковь располагала хоть одним сколько-нибудь веским доводом в пользу веры в бога, вероятнее всего, не было бы ни одного неверующего.

Словом, наличие веры не доказывает ровным счетом ничего, тогда как наличие неверия доказывает очень многое. Доводы в пользу идеи «бытия божьего» настолько неубедительны, что ни обещания вечного блаженства, ни угрозы вечными муками не в состоянии в наше время удерживать людей под влиянием веры. Кто отказался бы от вечной жизни в раю или кто пожелал бы вечно гореть, не сгорая, в пламени адского огня? Таковых нет ни среди верующих, ни среди самых закоренелых безбожников. Но дело в том, что если смотреть на мир открытыми, неослепленными глазами, слишком ясно, что все религиозное учение от начала до конца построено на песке и не заслуживает решительно никакого доверия.

Исчерпав все доводы, какие только возможны, и видя, что все они в лучшем случае ничего не доказывают, а в худшем — демонстрируют полную несостоятельность идеи «бытия божьего», богословы вытаскивают из сокро-

вищницы своих премудростей главный козырь: вера в бога — это дело сердца, а не разума. Иначе говоря, вера в бога не может и не должна считаться с доводами разума: она выше разума и выше всяких доводов.

Защитники религии говорят, что верить в то, что видишь и слышишь, не доблесть и не мудрость. Это-де всякий может. А вот верить в невидимое, причем с еще большей непоколебимостью, чем в видимое, — вот это настоящая вера. По учению церкви, истинно верующими, достойными божественной благодати являются только те, чья вера не требует каких-либо подкреплений и идет непосредственно из глубины души и сердца. Если же вам нужны какие-то доводы и доказательства — значит, вашей вере грош цена, значит, вы отдаетесь богу не без колебаний, а с оглядкой, фарисействуете, заигрываете с заклятым врагом бога — дьяволом. Это не годится. Бог требует беззаветности в вере и признает только тех, кто отдается ему целиком, без остатка, всем сердцем своим и всею душою своею. «Блаженны не видевшие и уверовавшие» — вот на что ориентирует церковь свою паству.

Нетрудно понять подоплеку такого требования. Понимая всю голословность и бездоказательность идеи «бытия божьего», как и всего вероучения, церковь видит первую свою задачу в том, чтобы вытравить из сознания человека всякую критическую мысль, внушить ему идею о том, что в делах веры какие бы то ни было рассуждения недопустимы, что вера достигает цели только в том случае, если она основана не на свидетельствах разума и органов чувств, а на божественном откровении, которое выше и истиннее каких бы то ни было свидетельств.

В этом, конечно, есть свой резон и своя логика. Для веры в «бытие божье» нужно, чтобы разум спал, а глаза, уши и другие органы чувств не принимали в ее делах

никакого участия. Только при таком условии религиозная вера может обеспечить себе достаточно прочное место в сознании человека.

«Священные» книги и другие религиозные источники наполнены рассказами о невероятной стойкости в вере всякого рода праведников, божьих угодников. Это свое звание они заслужили тем, что не считались ни с какими фактами, в том числе самыми очевидными и бесспорными, отбрасывали их как ложные, раз они не согласовывались с верой. Вот таким должен быть каждый верующий. И как только вы испытываете нужду в том, чтобы вам доказывали, что бог есть, как только у вас появляются те или иные колебания, — дела плохи. Никто и ничто вам не поможет, кроме святой молитвы.

Церковь как бы страхует себя от необходимости отвечать на лишние, недостойные веры вопросы, объявляя их богохульными, еретическими и т. п., приучая верующего трепетать перед каждым словом, перед каждой буквой, произнесенными от имени бога. Слово божье не подлежит проверке. Оно само является критерием, пробным камнем всякой истинности. Что такое истина? Все то, что соответствует слову божьему. Никакой более высокой, более достоверной мерки нет. И нечего допытываться, забивать себе голову лишними вопросами.

Откуда известно, что бог есть? Из «священных» книг. А чем подтверждается истинность «священных» книг? Тем, что они священны, ибо писаны по вдохновению божьему, то есть по вдохновению того, кто представляет собой истину в самом чистом, незапятнанном виде. Вот и все доказательства. Хочешь верь, а хочешь нет. Веришь — значит, без всяких условий и оговорок полагаешься на бога. Этот бог оценит и во сто крат оплатит. Сомневаешься, ищешь чего-то более авторитетного и достоверного, чем слово божье, — не сдобровать тебе, одумайся, пока не поздно. Не веришь — значит, продал ду-

шу дьяволу, погряз в сетях его. И поделом тебе, нечестивцу! Не миновать тебе адского пламени. Вот главный довод в пользу веры в бога, с помощью которого церковь пытается удерживать свою паству в сетях религии.

Таким образом, идея «бытия божьего» и все прочие утверждения церкви сплошь построены на том, чтобы принимать их без доказательств, без доводов. Сказано в священном писании — значит, так оно и есть, какие, мол, еще нужны доказательства! Слово «священного писания» — это слово божье, а слово божье достовернее, истиннее всяких доводов, самых очевидных фактов. Если факты противоречат слову божьему, то тем хуже для фактов, значит, ложны сами факты, сама жизнь, только не слово божье.

В «священных писаниях», иначе говоря, в слове божьем на каждом шагу натыкаешься на несуразности, на не совместимые со здравым смыслом утверждения. Например, по христианскому вероучению бог один и вместе с тем богов трое. Выходит, единица равна трем. Но это ничего не значит. В божественных делах человеку разобраться не дано. Чем туманнее слово божье, чем дальше оно от понимания, а если говорить прямее, чем абсурднее оно, тем глубже и достовернее и, следовательно, тем в бо̀льшей мере заслуживает доверия и веры. Недаром один из отцов христианской церкви, Тертуллиан, утверждал: «Верю, потому что абсурдно», — подчеркивая этим, что вера не нуждается ни в фактах, ни в доводах разума.

Такого рода правило весьма удобно для учения, которое построено на том, чтобы черное выдавать за белое, заблуждение за истину. Вера в бога, то есть вера в нечто такое, чего в действительности не существует, только на таком правиле и может держаться. Поэтому первой и самой большой заботой церкви всегда было

усыпить разум человека, воспитать безотчетное, бездумное доверие ко всему, чему учит церковь.

Излишнее любопытство — это, согласно церковному учению, порок, который истинно верующей человек обязан подавлять в себе всеми силами. В Библии отмечено в качестве первого предупреждения первым же людям — подальше от древа познания! Богу почему-то очень не хочется, чтобы люди приобщались к его божественным делам. Казалось бы, чего ему бояться? По немощи своей перед лицом всемогущего бога люди ведь ничего не могут ни изменить в божественном порядке вещей, ни вмешаться в божественные планы. Почему бы не открыть перед людьми все, как есть? Зачем деожать людей в столь глубоком неведении по отношению к премудрым делам своим?

По всей видимости, не все в этих делах так уж премудро и так чисто, как учит церковь. Если присмотреться попристальнее, то видно, что в природе нет места ни для бога, ни для божественных дел. Вера может держаться лишь на тайнах. Тайна — вот тот незыблемый фундамент, на котором построено все церковное учение. Как только не сходятся концы с концами (а в церковном учении с этим приходится встречаться по каждому вопросу, можно сказать, на каждом шагу), церковь сразу же прячется за тайну. «Тайна сия велика есть» — вот к чему, по сути дела, сводится вся церковная аргументация.

Словом, вникать в дела господни не рекомендуется, да и бесполезно. Из церковного учения следует, что если ты истинно верующий человек, отбрось всякие сомнения, не терзай себя лишними вопросами, не любопытствуй, не мудрствуй лукаво — бог этого не любит. Не забывай урок твоих прародителей Адама и Евы. Первопричиной всей погибели и проклятья рода человеческого было любопытство, попытка приоткрыть завесу божественной

тайны. Не повторяй ошибки, оказавшейся столь роковой. Помни, что кроме бога есть и дьявол — чудовищное, коварное существо. В жизни на каждом шагу расставлены его сети. И когда тебя начинает волновать вопрос, не согласующийся с верой, подрывающий веру, — будь бдителен. Это не иначе как дьявольское наваждение. Искать ответ на этот вопрос — значит пойти за нечистым, поддаться его искушению. Вспомни, к чему привело легкомыслие прапра... бабушки Евы, не устоявшей перед соблазнами коварного и хитрого змия. Что из этого получилось — всем известно. Нельзя, недопустимо повторять столь дорого обошедшейся опрометчивости первых людей.

Даже у наиболее усердного в вере человека, очевидно, не может не возникнуть вопрос: почему бог так не любит, чтобы люди думали, что его нет? Неужели это так уж важно для него? Ведь человек — это всего-навсего земляной червь, букашка, микроб. Разве богу не все равно, что и как думает о нем такая малость? Не станем же мы оскорбляться тем, что какой-нибудь муравей или что-нибудь подобное вдруг решил, что нас, людей, не было и нет на свете и что все разговоры о том, что мы существуем, заблуждение и вздор. Ну и пусть себе, нам-то что от этого? Что тут оскорбительного или унизительного для нас? Ровным счетом ничего.

Почему же бог, в сравнении с которым мы, по смыслу церковного учения, гораздо более ничтожны, чем муравьи, букашки и прочие твари в сравнении с нами, почему же он придает столь важное значение нашему мнению о том, есть он или его нет? Ну а если это так уж важно, то почему бы богу раз и навсегда не рассеять всякие сомнения на этот счет, не показаться людям в каком-нибудь достаточно достоверном виде? Были бы сразу же прекращены какие бы то ни было споры и раздоры по этому вопросу. Отпала бы нужда в тех неверо-

ятных усилиях, которые в течение веков и тысячелетий предпринимает церковь, для того чтобы доказать или, вернее, уверить, внушить, что бог есть. И самое главное, сколько бы было спасено душ человеческих от неверия, а значит, от вечных мук в аду!

Видимо, дело опять-таки в том, что бога просто-напросто нет. Если бы он был, ему не было бы никакой нужды скрываться от тех, о ком он так печется. Ведь все помыслы и дела господни направлены на благо человека...

Впрочем, это не совсем так, а если разобраться более обстоятельно, то и вовсе не так. Достаточно вспомнить преисподнюю с ее огненной геенной, чтобы желать только одного: если бы бог существовал, то пусть бы он избавил нас от своих забот.

С точки зрения всех здравомыслящих людей, самым достоверным доводом в пользу чего-либо является практика, собственный опыт людей. Что выдерживает проверку на практике, подтверждается жизнью — безусловно истинно. А что не находит такого подтверждения — ошибочно, ложно.

Но ведь религиозная вера как раз построена на том, чтобы избежать какой бы то ни было проверки, быть недоступной для опыта. Все религиозные небылицы совершаются главным образом не здесь, не в реальной жизни, где можно было бы воочию убедиться, истинны они или нет, а в некоем ином мире, на так называемом том свете, куда нельзя заглянуть. Если, согласно учению церкви, туда в конце концов и попадают люди, то уж безвозвратно. Для тех же, кто еще до поры до времени остается на этом свете, опыт этих людей недоступен, а поэтому бесполезен. И это очень удобно для церкви. О том свете можно говорить все, что угодно, что только может прийти в голову, в том числе самый несусветный вздор. Поди проверь и докажи, что это не так.

Именно на этом основана и ссылка на то, что никем-де не доказано, что бога нет. Но ведь, строго говоря, это чистейшая спекуляция. Идея «бытия божьего» опровергается уже тем, что она ничем не доказывается. Прежде чем требовать доказательств, что бога нет, нужно вначале привести заслуживающие внимания доводы в пользу того, что он есть.

Правда, кое-какие доводы церковь приводит, в том числе и те, о которых только что говорилось. Однако о «бытии божьем» нельзя сказать ничего такого, что было бы свободно от неразрешимых противоречий и тут же не опровергалось бы. Всякому доводу в пользу того, что бог есть, противостоит гораздо более веский контрдовод, начисто опровергающий его. Видя, что доводы в пользу «бытия божьего» не выдерживают соприкосновения со здравыми рассуждениями и очевидными фактами, церковь подчеркивает, что дело не в доводах, а в самой вере. Факты, здравые рассуждения, какие бы то ни было свидетельства здесь ни при чем. Вера служит основанием идеи «бытия божьего», а идея «бытия божьего» служит основанием для веры. В обыденной жизни это называется «тянуть самого себя за волосы».

В общем, малейшие размышления по поводу веры заводят в тупик. Понимая это, церковь поучает: лучше не размышлять. Если вы хотите, чтобы ваша вера была прочной, если вы ею дорожите, то... постарайтесь не вникать в ее содержание и сущность. Разум дан человеку совсем не для того, чтобы постигать дела господни, а лишь для того, чтобы вы осознали непостижимую мудрость этих дел. Нужно держать разум в тех рамках, которые ему отведены, — подкреплять веру. Пока разум не противоречит вере, он выполняет свою функцию, не мешайте ему, дайте полную свободу. Но как только он начинает вселять в вас сомнения, натыкается на мысли, не соглашающиеся с верой, подрываю-

щие веру, — приглушите его, поставьте на свое место, в крайнем случае и вовсе отрекитесь от него. Нет той цены, которая была бы чрезмерной, раз дело идет об укреплении веры. Если нужно, если требует вера, откажитесь не только от разума, а и от самой жизни. Этим вы обретете царствие божье...

Таково первое и самое важное требование закона божьего.

В СТРАНЕ ИЗГНАНИЯ

Вера нужна не сама по себе, а для того, чтобы жить праведной жизнью, то есть так, как велит бог. Без веры это невозможно. Хотя указаний бога никто из людей сам лично не слышал, но они содержатся в «священных писаниях». Правда, в «священных писаниях» говорится, что в те времена, когда на земле якобы жил сын божий Иисус Христос (а это тот же бог), люди будто бы видели его, общались с ним, слушали его проповеди и т. п. Но это опять-таки не мы сами, а кто-то, где-то, когда-то... Бог если и показывается, то почему-то не живым людям, а тем, которых давно уже нет в живых и, как оказывается на поверку, которых и вовсе никогда не было. Впрочем, это не так уж важно. Важно, что есть вера, а она, как уже говорилось, заменяет нам глаза, уши и все прочее. Благодаря вере мы как бы ни видя — видим, не слыша — слышим.

Вера учит, что кроме земной жизни, в которой мы не сомневаемся, есть еще и некая загробная, та, которая якобы ждет нас после нашей смерти. Более того, жизнь после смерти, по уверению церкви, и есть подлинная, истинная, настоящая. Она, в отличие от земной, так сказать, не настоящей, будет длиться вечно. Правда, нико-

му из живущих на земле этой жизни испытать не довелось, но... это не имеет значения. На то есть вера, а вера выше каких бы то ни было свидетельств, испытаний, опыта.

Что же из веры в загробный мир следует? А то, что все наши чаяния и надежды, все наши помыслы и дела должны быть посвящены «той», а не «этой» жизни. Жизнь на этом свете не заслуживает серьезного внимания, она лишь миг, лишь преддверие к вечной жизни. Ее и нужно всю без остатка отдать, подчинить тому, что будет после смерти.

Церковное учение пронизано презрением к земной, то есть к единственно реальной жизни. Она, согласно этому учению, — тлен и бренность, суета сует и всяческая суета. В первоначальных божественных планах мироздания земная жизнь даже не была предусмотрена. Она появилась лишь после пресловутого грехопадения и дана человеку исключительно для того, чтобы он посвятил ее без остатка искуплению своей величайшей, непростительной вины перед богом.

Бог, как это следует из Библии, создал человека главным образом для того, чтобы через него прославлять самого себя. Назначение человека с самого начала состояло в том, чтобы жить не для себя и себе подобных, а для бога, находить величайшее блаженство в исполнении воли божьей, в воспевании ему хвалы и славы. Райская жизнь наших поначалу безгрешных прародителей к этому, собственно, и сводилась. Они не трудились (это в их обязанности не входило), были освобождены от каких бы то ни было дум и забот. Восхищайся мудростью и величием дел господних — вот и вся твоя забота. В дела господни, чур, не лезь. Не пытайся понять, что к чему. Это не твое человечье дело.

Но, как уже говорилось, первые люди недооценили важность предупреждения божьего, видимо, не прида-

ли ему надлежащего значения, нарушили волю божью и этим обрекли себя и свое потомство на вечное проклятие.

Правда, согласно христианскому вероучению, бог спустя несколько веков как бы одумался, сжалился над родом человеческим, послал к людям своего сына, с тем чтобы он своею мученической смертью снял с них это проклятие, спас род человеческий. Однако после этого практически ничего не изменилось. Все спасение свелось к тому, что каждому, кто кротко и безропотно через всю жизнь пронесет крест свой, то есть вынесет все земные горести и страдания, открыта возможность вернуться туда, откуда в свое время изгнаны наши прародители, — в царствие божье. Да и то после смерти. А пока все остается по-старому.

Всякий человек, которому дорога вера, обязан, по логике церковного учения, безоговорочно признать свою вину перед богом, считать себя непростительным грешником, хотя сам лично, может быть, никаких грехов не совершал. Мы грешны уже оттого, что происходим от Адама и Евы, и поэтому еще до своего рождения приговорены к тому, чтобы жить в стране изгнания, как именует церковь нашу земную жизнь. И каким бы тяжелым ни казалось наложенное богом наказание, мы обязаны с полным усердием отбыть его, дабы избежать еще более страшного — вечных мук в аду. Чем глубже, искреннее ты, человек, осознаешь свою вину (хотя, может быть, и понятия не имеешь, в чем ты виноват), чем дольше простоишь на коленях перед образом бога, чем более кротко претерпишь все невзгоды и страдания, посланные тебе богом, тем в большей мере смоешь свой позор и, может быть, будешь принят после смерти в царствие божье. Ты ведь раб божий, недостойная тварь, падшее существо. Знай это и веди себя соответственно. Ищи не радостей и счастья (этого ты недостоин), а спасения от ужасной участи вечного мученика на том свете.

Смиренно перенеси все испытания, как бы тяжелы они ни были, испей до дна полную чашу земной горечи, претерпи все обиды и унижения — ведь ты их заслужил. Не вздумай уклоняться от наказания, помни, что оно наложено на тебя самим богом, а поэтому продиктовано соображениями высшей справедливости. Не увиливай, не ищи облегчения, иначе срок не будет зачтен и даже будет продлен до бесконечности после смерти, с установлением гораздо более жесткого режима...

Конечно, современные церковники едва ли могут позволить себе предъявить верующему это до крайности нелепое обвинение в столь грубой форме. Но дело от этого не меняется. В более мягких и даже ласковых словах проповедуется то же самое.

Сегодняшние проповеди священнослужителей, как и в прошлые времена, пронизаны идеей греховности, испорченности человеческой природы, необходимости очищения от скверны первородного греха, недостоинства и виновности человека перед богом. Вероучения всех основных современных форм религии, в особенности христианской, так или иначе построены на том, что человек от рождения грешен и ради благополучия (после смерти) должен всей жизнью на земле искупать грехи. Только с помощью страданий можно излечить себя от пороков и стать пригодным для вступления в царствие божье. И церковь прямо говорит, что страдание — это нормальное состояние человека в земной жизни. Чем больше он страдает, тем в большей мере искупает свою вину перед богом. Согласно церковной премудрости, человек должен бояться не горестей, а радостей. Когда вас посещает радость, благополучие, бодрость духа, то это не к добру. Оказывается, богу лучше, угоднее, когда вас гнетет тоска, когда вы в горе и несчастье. Ведь если ваши дела идут хорошо (вы сами и ваши близкие здоровы и счастливы), то даже в том случае, если вы глубоко-

верующий человек, вы реже вспоминаете о боге, а то и вовсе забываете о нем. Но стоит заглянуть в ваш дом несчастью, вы сразу же мысленно или даже вслух обращаетесь к богу. Выходит, когда у вас все хорошо, вы дальше от бога, а когда плохо, то как бы приближаетесь к нему. Так не лучше ли быть пусть в несчастье, но зато с богом, чем в радостях, но без бога?

У людей, не слишком крепких в вере, неизбежно возникает вопрос: а почему, чтобы быть с богом, обязательно нужно страдать, испытывать нужду, быть в горе? Неужто богу приятно смотреть на людские муки? Почему бы ему не сделать так, чтобы люди и на земле благоденствовали, и на том свете им не грозила проклятая преисподняя?

Впрочем, такой вопрос незаконный, как учит церковь. Ведь люди провинились, согрешили, обидели бога. Другой бы на месте бога (например, сатана) послал бы людей прямо в ад. А бог — нет! По величайшему милосердию своему он дает людям возможность исправиться, искупить свою вину и, несмотря на все их недостоинство, не лишает надежды даже... на рай. Пусть искупление нелегкое, пусть нужно провести в муках и страданиях всю жизнь, но... что такое жизнь по сравнению с вечностью?

К тому же, учит церковь, не людское это дело разбираться в таких вопросах. Богу ведь виднее. Его намерения и решения не подлежат разбирательству и обсуждению. Наше дело — исполнять. Раз богу угодно, чтобы мы страдали, — значит, это мудро и справедливо. Чем усерднее мы исполним волю божью, чем больше вынесем на своих плечах горестей и невзгод, тем в большей мере угодим богу и тем ближе подойдем к царствию его. Важно лишь, чтобы бог не обделял нас страданиями. Ведь кого он избавляет от страданий на земле, к тому, значит, плохо относится, от того отнимает лишний шанс попасть в его чертоги на небесах.

В общем, блажен тот, кто страдает. Радость и благоденствие в здешнем мире крайне нежелательны. Если хотите — это даже несчастье. Чуждайтесь их. Идите навстречу нужде, невзгодам, страданиям. Вам тяжело живется? Вам выпала горькая доля? Вас преследуют несчастья? Вот и радуйтесь, благословляйте судьбу, благодарите бога. Это значит, что бог ведет вас по пути искупления, то есть готовит вас к тому, чтобы взять к себе. Не завидуйте счастливым — они несчастны. За мгновения ничтожных, тленных радостей на земле они будут лишены радостей вечных. Написано же в «святом» Евангелии: «Легче верблюду пролезть через игольное ушко, чем богатому попасть в царствие небесное...»

Надо сказать, что сами служители церкви мало считаются с этим, пренебрегают теми требованиями закона божьего, которые проповедуют среди своей паствы. Они находят более целесообразным взять от жизни все, что можно, в здешнем мире, а что будет потом, после смерти, — видно будет. Они живут по принципу: лучше синица в руке, чем журавель в небе. Но дело ведь не только и не столько в том, что думают и как ведут себя служители церкви. Дело в существе, в духе вероучения, самой веры в бога и загробную жизнь.

Если поверить, что бог есть и что есть загробная жизнь, то все вышесказанное разумеется самой собой. Вера в загробную жизнь уже сама по себе, независимо от проповедей церкви и даже от наставлений «священных» книг, обесценивает, превращает в нечто лишнее, пустое земную, то есть единственно реальную, жизнь. Если кроме земной есть еще и неземная жизнь, то к чему вся эта суета, все земные заботы? Зачем к чему-то стремиться, чего-то добиваться? Не лучше ли сидеть сложа руки и ждать настоящей, истинной, вечной жизни?

Вера в загробную жизнь сама по себе убивает инте-

рес ко всему, что делается вокруг, побуждает верующего посвящать свои мысли и чувства иллюзии, тому, чего в действительности нет. А тут еще бесконечные проповеди, заклинания, наставления, пропитанные презрением ко всему естественному, здоровому, подлинно человеческому.

Требования закона божьего о необходимости посвящать все помыслы и дела загробному миру ставят человека в положение неразрешимого конфликта с требованиями реальной жизни, с собственной человеческой природой, с самим собой. Человек потому и является человеком, что трудится, пользуется не готовыми плодами природы, как это свойственно царству животных, а создает материальные блага, производит. Для чего? Чтобы пользоваться этими благами и благодаря этому жить по-человечески.

Закон же божий требует от человека заботиться не о настоящем, а о будущем, то есть не о жизни, а о смерти. По учению церкви, смерть является не чем иным, как рождением для истинной жизни, для вечности. В момент смерти душа освобождается от тела, выходит из своей темницы и обретает жизнь в чистом виде. Подготовиться к жизни в ином, загробном мире, иначе говоря, подготовиться к смерти — вот, оказывается, в чем смысл реальной человеческой жизни, вот к чему сводится требование закона божьего.

Но разве это не противоестественно? Разве можно примирить естественные человеческие чувства и устремления с этими требованиями?

Проповедники закона божьего уверяют, что если бы не жизнь вечная, которая будто бы ждет нас после смерти, то было бы не к чему стремиться, не для чего жить. Из всей сути религии вытекает, что жить стоит только ради вечности. А кто не верит в бога, а значит, и в вечную жизнь, у того жизнь пуста и бессмысленна.

Так ли это в действительности? Нет, как раз наоборот. Тот, кто связывает свою судьбу с надеждой на вечность после смерти, кто всерьез верит в такую «вечность» и посвящает ей свою земную жизнь, тот живет напрасно. Более того, он не живет, а отбывает положенный срок. Подготовка в некоей вечной жизни на том свете дается не даром, а ценой отказа от полнокровной человеческой жизни на этом свете, в реальном мире. Совместить одно с другим нельзя. Если ты отдаешься этой жизни — значит, не годишься для той; если всерьез готовишься к той, то должен отказаться от этой.

Только тот, кто свободен от веры в загробную жизнь, способен взять от реальной, единственно возможной жизни все, что она может дать, воспользоваться ее благами и радостями. Разумеется, за жизнь, достойную человека, нужно бороться, ее нужно строить. Само собой ничего не приходит в жизни. Эта борьба не бесцельна. Она имеет совершенно определенный смысл — сделать жизнь лучше, красочнее, ярче, богаче, разумнее.

История борьбы за прогресс и процветание общественной жизни полна примерами, когда люди сознательно шли на лишения и невзгоды ради того, чтобы облегчить, сделать лучше жизнь для наибольшего числа людей. Передовые, лучшие люди всех времен видели свое счастье в том, чтобы делать счастливыми других. Когда спросили Маркса, в чем он видит смысл и счастье своей жизни, он ответил: в борьбе. Разумеется, в борьбе против строя, который обрекает массы людей на страдания ради благоденствия их поработителей.

Нет, человек рожден не для страданий, а для счастья! Смысл жизни человека состоит вовсе не в том, чтобы он мирился со своей судьбой, сколь бы тяжелой и безотрадной она ни была, а в том, чтобы брать судьбу в собственные руки и добиваться в труде и борьбе жизни, достойной человека.

Не так давно журнал «Наука и религия» развернул на своих страницах обсуждение вопроса: «В чем смысл жизни?» Редакция журнала получила сотни писем от читателей — людей самых различных профессий, возрастов, образования. Каждый по-своему отвечает на вопрос о смысле жизни. Но как бы ни были различны ответы, почти все они (за очень небольшим исключением) состояли в том, что смысл жизни — в плодотворном, творческом труде на общее благо.

Советские люди, в том числе немало верующих, любят жизнь, самоотверженно трудятся в целях ее дальнейшего преобразования, совершенствования. В жизни, как известно, ничто не падает с неба в готовом виде. Манна небесная — всего лишь библейская сказка. Это очень хорошо знают не только неверующие, но и верующие, вопреки своим религиозным взглядам. Поэтому совершенствование, улучшение жизни неразрывно связано с преодолением тех или иных преград и трудностей.

На пути к своим завоеваниям советским людям приходилось знать и лишения, и даже жертвы, выдерживать серьезные жизненные испытания. Но, вероятно, никому из них и в голову не приходило считать трудности и испытания благодеянием, с которым следует мириться и приветствовать. Нет, идя навстречу трудностям, лишениям, а если надо — и жертвам, советские люди все делали для того, чтобы решительно преодолеть и устранять их, а не пасовать перед ними и не принимать их как должное. Они знают, что только таким путем можно прийти к жизни, полной радости и счастья, построить коммунизм.

Приноравливаясь к настроениям и взглядам советских людей, церковь сейчас воздерживается от того, чтобы охаивать их повседневные благородные дела. С ее стороны нередко можно слышать даже слова одобрения

по поводу великой цели советского народа — построить коммунизм. Но... в устах церкви такие слова звучат фальшиво. Даже в том случае фальшиво, когда те или иные служители церкви произносят такие слова вполне искренне. Почему? Да потому, что они, эти слова, никак не вяжутся с требованиями закона божьего, который призваны охранять и проповедовать служители церкви.

Ведь когда служители церкви не прочь признать, что коммунизм — дело сто́ящее, что это счастливое общество, они, не переставая быть служителями церкви, не порывая с церковью и законом божьим, не могут не добавить, что это все же земное, то есть скоропроходящее счастье, которое не идет ни в какое сравнение с небесным счастьем. Выходит, что если они и начинают «о здравии», то кончают непременно «за упокой». Такова уж сущность религии, и никуда от нее не уйдешь. В рамках религиозной веры трудно быть сознательным, активным борцом за счастье на земле.

Правда, среди верующих немало честных тружеников, отдающих свои силы общему делу борьбы за коммунизм. Таковых даже большинство. Но они делают это не в соответствии с верой в бога и загробную жизнь, а вопреки ей. Они в таком случае выходят за пределы тех рамок, в которые ставит их вера. Ведь, строго говоря, исполнить до конца требования закона божьего невозможно. Для этого нужно было бы отказаться не только от борьбы за лучшую жизнь, но и вообще отказаться от нормальных условий существования, нарочито делать их невыносимыми.

Чтобы жить по закону божьему, надо брать пример из жития всякого рода пещерников, затворников, столпников, которые вели жалкий образ жизни, питались отбросами и помоями, стояли до изможнения на коленях, надевали на себя цепи — вериги, впивающиеся в тело,

отдавали свое тело на съедение мошкаре и т. п. Вот это и есть образец жизни по закону божьему. Но ведь для того чтобы следовать такому образцу, надо потерять человеческий облик, возненавидеть самого себя, быть законченным фанатиком. Кто же из нормальных людей может пойти на это? Тем не менее именно этого требует вера в вечную загробную жизнь. И если жить по вере, если в полной мере исполнять закон божий, следовало бы поступать именно так.

Счастье верующих в том, что в массе своей они не пытаются соблюсти всех требований закона божьего, а если говорить начистоту, то и не очень считаются с ними. Практически они живут так, как если бы вовсе и не рассчитывали на царствие небесное. Как бы ни были заманчивы райские кущи, но поскольку никому из людей бывать там не приходилось и поскольку ни у кого, в том числе и у самых крепких в вере, сколько-нибудь ясных понятий или хотя бы представлений о загробной жизни нет, то верующие пользуются доступными им жизненными благами и ничто человеческое им не чуждо. Разница лишь в том, что многие из них делают это с чувством робости, с оглядкой, будто что-то крадут у бога, просят у него прощения, испытывают укоры совести, каются и этим лишь отравляют себе жизнь.

Как видно, даже наиболее набожные люди за билет в царствие небесное слишком дорогую цену платить не хотят. Оно и понятно: мучайся, страдай, отказывай себе во всем, отравляй себе и близким жизнь, а за что — толком неизвестно. Ведь небесные блага всего лишь слова да пустые мечты. В соответствии с требованиями жизни, со своими естественными человеческими потребностями и чувствами, верующие люди, оставаясь людьми, заняты земными делами и заботами и практически делают очень мало для того, чтобы попасть в царствие небесное. Во всяком случае, сознательно, преднамерен-

но они страданий не ищут и от доступных им радостей не отказываются.

Из этого было бы неправильно сделать вывод, будто вера в загробный мир не играет никакой роли в жизни верующего. Величайшее социальное зло веры в лучшую загробную жизнь состоит в том, что она отвлекает трудящихся, народные массы от борьбы за их подлинные интересы ради мнимых. Нельзя же забывать, что в течение многих веков и тысячелетий трудящиеся находились, а в большинстве стран находятся и сейчас, в угнетенном, обездоленном состоянии. Имущие и неимущие, поработители и порабощенные, эксплуататоры и эксплуатируемые — так был построен мир с тех пор, как общество раскололось на классы. Жизнь так сложилась объективно. Спрашивается: разве вера в лучшую загробную жизнь не мешала и не мешает трудящимся выйти из такого состояния? Конечно, мешает.

Из состояния порабощения есть только один выход — борьба за уничтожение эксплуататорского строя. Других выходов нет и быть не может. А вера в лучшую загробную жизнь тем не менее направляет к другому «выходу» — к тому, чтобы ждать небесного благополучия (после смерти!) и ради этого мириться с эксплуататорским строем и даже почитать его как божественное установление. Но разве это выход? Ведь он иллюзорный, ложный, обманный, отвлекающий трудящихся от реального, подлинного выхода и обрекающий их на жизненное прозябание в условиях эксплуатации и порабощения.

В народе говорится, что «утопающий за соломинку хватается». Церковные сказки о райской жизни загробной как раз и выполняют роль такой «соломинки». Когда в условиях гнета и порабощения все уже испробовано и податься больше некуда, поневоле поверишь во что угодно, ухватишься за самую иллюзорную, явно не-

сбыточную идею. Пусть эта идея ничего реального не дает, но хотя бы обещает...

Вера в «бытие божье» находит себе место прежде всего там, где есть нужда, где люди ищут хоть какой-нибудь отрады. Маркс назвал веру в лучшую загробную жизнь вздохом угнетенной твари. Когда более нечем дышать, даже отравленный глоток воздуха покажется спасением. В сознании трудящихся, которые в течение тысячелетий задыхались от невыносимых тягот жизни и бесперспективности, всегда было место для иллюзий, для самообмана, для веры во что-то пусть неясное, пусть маловероятное и даже вовсе неосуществимое, но лучшее, более привлекательное, чем повседневная безрадостная жизнь.

Вот в таких условиях — а эти условия характерны для всей истории общества, построенного на порабощении и эксплуатации трудящихся, — вера в загробную жизнь не только оправдывает страдания, но и является их своеобразной усладой. Если уж жизнь такова, что от горя и невзгод никуда не уйдешь, если безысходная нужда и невыносимые тяготы являются, так сказать, нормой жизни, то ничего не остается, как надеяться, что это не зря, что страдания окупятся и что чем больше страданий, тем лучше, ибо тем выше награда за них. Тут есть где разгуляться религиозному оправданию страданий, вплоть до того, чтобы выдавать их за благодеяние и счастье.

В безнадежности — надежда, в несчастье — счастье, в страдании — наслаждение... Что за нелепое сочетание слов, что за абсурд! Но в этом смысл религиозного учения о земной жизни, как всего лишь пороге, ступеньке перед входом в царствие божье или в преисподнюю (кто чего заслужил).

...Случилось так, что эти строки выводятся безбожной рукой в предпасхальные дни. Католики и протестан-

ты уже отпраздновали пасху, их ксендзы и пасторы уже отслужили торжественные богослужения по поводу воскресения Иисуса Христа. Православные только еще готовятся к пасхе. Они переживают самые печальные дни — дни предсмертных мук и смерти Христа. Верующие в одного и того же бога — одни уже радуются, другие еще горюют.

Не будем вникать в эту несогласованность. Отнесем это за счет того, что сына божьего Иисуса Христа, как и его отца бога Саваофа, никогда не было и нет и что поэтому любые «события», связанные с жизнью и деятельностью Иисуса Христа, можно с одинаковым основанием и успехом отметить в любое время. Нас занимает сейчас другая сторона дела в легенде о Христе — это его страдания.

Все христианское учение от начала до конца пронизано идеей искупительной жертвы Христовой. Придя на землю к людям, сын божий включился в полную лишений и нужды жизнь обездоленных и несчастных, добровольно принял на себя мученическую смерть, чтобы таким способом спасти уверовавших в него, вывести их из того тупика, в котором они оказались в результате пресловутого грехопадения, спасти их.

Зачем для спасения людей нужно было мучиться и умирать не кому-нибудь, а самому богу? Что уж такого сверхгреховного сделали люди, чтобы потребовалась столь необычно дорогая жертва? Какая связь между мучениями и смертью Христа, с одной стороны, и освобождением людей от «первородного греха» — с другой? Все это понять невозможно. В нашу человеческую голову оно никак не укладывается.

Зато вполне понятен для нашего человеческого ума тот факт, что, во-первых, после столь грандиозной меры, принятой самим богом, все на земле, по сути дела, осталось по-старому. Те же невзгоды и страдания. Обездо-

ленных и несчастных стало нисколько не меньше. Люди по-прежнему должны искупать грехи. К тому же легенда о страждущем боге является оправданием и возвеличиванием людских страданий, серьезной идеологической подпоркой классового эксплуататорского общества, обрекающего массы людей на страдания в целях благоденствия сильных мира сего — рабовладельцев, крепостников-помещиков, капиталистов. Вот это ясно как солнечный день, сколько ни обволакивай легенду о Христе тайнами и прочим туманом.

В так называемую великую пятницу «страстной недели» выносят из алтарей христианских храмов плащаницы — изображения Иисуса Христа, распятого на кресте. На поникшем челе его кроме следов предсмертных мук — кротость и смирение... Разыгрывается спектакль оплакивания сына божьего, отдавшего свою жизнь за людей, «смертью смерть поправ», то есть своей смертью обеспечив людям бессмертие... только, оказывается, не в реальном, а вымышленном, несуществующем мире.

Спрашивается: почему сын божий не оказал сопротивления? Зачем он позволил так измываться над собой? К чему это, казалось бы, унизительное не только для всемогущего бога, но даже и для человека смирение перед силами неразумия и несправедливости?

Все это выходит за пределы нашего человеческого понимания. Ясно только одно: мы, люди, недостойные «рабы божьи», должны в подобных обстоятельствах вести себя точно так же, быть такими же кроткими, смиренными, бессловесными и так же покориться судьбе, претерпеть до конца все муки и страдания, как это сделал господь бог наш Иисус Христос. «Христос терпел и нам велел» — вот девиз, который пронизывает от начала и до конца все христианское вероучение.

Другого более подходящего учения для удержания людей в состоянии рабства и не придумаешь. Оно оди-

наково пригодно для освящения и рабовладельческого, и феодально-крепостнического, и буржуазного общества, разделенных на хозяев и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых. Поэтому не приходится удивляться, что все эксплуататорские классы, приходившие к власти и осуществлявшие свое господство над трудящимися массами, так ревностно оберегали религиозную веру.

Одними только голыми средствами насилия не смог бы справиться с трудящимися массами ни один эксплуататорский класс. Ведь он всегда составлял незначительное меньшинство. Но кроме голых средств насилия есть прикрытые, замаскированные. Это соответствующая идеологическая обработка, которая сводится к тому, чтобы либо изобразить невыносимое положение трудящихся как не столь уж тяжелое, либо доказать, что оно неизбежно, так как ниспослано свыше (от бога), либо внушить, что оно является средством достижения нетленных, вечных ценностей и поэтому представляет собой величайшее благо, которым следует дорожить, либо и то, и другое, и третье вместе.

Именно такую роль и выполняет религиозная вера. Пользуясь предрассудками масс и всячески укрепляя их, идеологи эксплуататорских классов с помощью состоявшей у них на службе церкви душили еще в зародыше естественное стремление угнетенных к свободе, к солнцу, к свету, к достойным человека условиям жизни. Все средства своего господства они направляли на то, чтобы доказать, убедить массы, что все страдания и все тяготы жизни хотя и нелегки, но зато окупятся с лихвой. Более того, они слишком ничтожная плата за все то, что приготовлено для праведников в царствии божьем. Если проявлять заботу не о бренном и грешном теле, а о душе — этом образе божьем в человеке, каковым именует душу церковь, — то безумием было бы протестовать против существующих, пусть нелегких

условий жизни и искать чего-то иного, пытаться отменить эти условия и заменить другими.

Покорность, смирение, безропотность, терпеливость, кротость и т. п. — вот те добродетели, которые должен оберегать и всячески развивать в себе всякий, кто хотел бы обрести достойное место на том свете. Изо дня в день, из года в год, из века в век церковь вбивала и вбивает в сознание своей паствы эти добродетели, эти пагубные для людей труда идеи и настроения. Она занята тем, чтобы цепи рабства покрывать позолотой и делать их более привлекательными.

Но цепи есть цепи. Они одинаково унизительны, будь они железные или золотые. Цепи рабства заслуживают лишь одного: их следует сбросить, разбить.

Что же касается легенды о Христе, предназначенной для воспитания страждущих в духе непротивления и покорности, то кроме сказанного хотелось бы, рискуя, навлечь на себя дополнительные грехи, обратить внимание еще вот на что.

На протяжении многих веков поступок Иисуса Христа, принявшего на себя добровольно мученическую смерть, преподносится как величайший, недосягаемый для человека образец самопожертвования, как сверхъестественный, доступный только самому богу (равно сыну его) подвиг. Сколько по этому поводу торжественных богослужений, умилительных проповедей, богословских трактатов! Сколько шума и звона по всему миру и в течение веков!

Позволительно спросить: что здесь такого уж особенного?

Во-первых, Иисус Христос, как явствует из Библии, сдался на милость врагам, можно сказать, капитулировал перед ними. Когда таким же образом поступает человек, то никому и в голову не приходит считать это подвигом. Оно вызывает скорее презрение, чем восхи-

щение. Тем более это недостойно высокого имени творца Вселенной.

Во-вторых (и это, пожалуй, самое примечательное), хотя сын божий и отважился на верную смерть, но ведь он знал наперед, что это всего лишь спектакль, так как все равно через два-три дня воскреснет. Когда человек ради благородной цели (допустим, воин на поле брани) идет на верную смерть, то он действительно идет на смерть. Смерть ведь страшна не мимолетными муками, которые она причиняет, а потерей жизни, потерей не на какое-то время, а навсегда. Если не побояться сказать правду, то следует признать, что пойти на смерть, зная, что воскреснешь, это вовсе не подвиг. Пожалуй, на такой «подвиг» способен (за редким исключением) самый рядовой из людей, была бы лишь хоть маломальски оправданная цель.

Мы уж не говорим о том, что вся человеческая возня вокруг тела господня не могла причинить ему никакой боли. Ведь на то он и бог! Поэтому факт остается фактом: самопожертвование Иисуса Христа, даже если принять все то, о чем говорит церковь, за чистую монету, не стоит того, чтобы им восхищаться и восторгаться. Поступки обыкновенных, рядовых людей, не говоря уж о героях, сплошь и рядом несравненно выше, благороднее того, что совершил сын божий. Идя на смерть, он, по сути, вовсе и не собирался умирать.

...Между тем вера есть вера. Она, как уже говорилось, запрещает верующему вникать в дела господни, нарочито обволакивая их густым туманом всякого рода тайн. Что бы ни совершил господь, пусть самое обыкновенное, самое пустяковое, — все мудро и восхитительно! Делами господними, даже если они ничем не примечательны, а то и вовсе бессмысленны, не восторгаться, по логике церковного учения, нельзя.

Казалось бы, что разумного и мудрого в том, что-

бы человек страдал, да еще к тому же мирился со своими страданиями, шел им навстречу, чуть ли не благословлял их как благодеяние? Но ведь, по учению христианской церкви, так поступал сам Иисус Христос, господь бог и спаситель наш. Так должны поступать и мы, недостойные «рабы» его. Поступать иначе — значит игнорировать пример самого бога и тем самым демонстрировать свое неодобрение его поступков, а это значит отступиться от бога и оказаться в объятиях дьявола.

Словом, человеческие страдания и муки на земле нужны богу. А раз они нужны богу, какой же может быть разговор? Блаженны нищие, обездоленные, несчастные... Страдайте и радуйтесь тому, что вам выпала такая же доля, как и господу нашему Иисусу Христу. Значит, вы идете по той же дороге, что и он, величайший мученик и страдалец. Эта дорога приведет вас в царствие божье. Чего не вынесешь, на что не пойдешь ради столь высокой цели!

Кому на руку такие проповеди — слишком ясно. Что-нибудь более циничное трудно придумать. Легенда о страданиях, о смерти Иисуса Христа (как, впрочем, и легенды других современных религий) является обоснованием идеи рабской покорности и терпения, столь необходимой для удержания трудящихся в цепях повиновения.

Призывы к покорности и терпению имеют прямой адрес. Они направлены не к господам, а к рабам, не к угнетателям, а к угнетенным. Это рабы, угнетенные, униженные и обездоленные, должны платить за билет в царствие божье страданиями на протяжении всей жизни. Что же касается господ, эксплуататоров, насильников, то... казалось бы, им дорога прямо в ад. Ан нет, не совсем так! Если же присмотреться повнимательнее, то оказывается и вовсе не так. В небесных чертогах предусмотрено предостаточно мест и для богатых, для

тех, кто в земной жизни наслаждается за счет страданий своих ближних. От богатеев требуется только одно — не быть слишком глухими к воплям алчущих, проявлять к ним милосердие, сочувственно вздыхать по поводу их тяжкой доли.

Словом, наряду с проповедями страданий как непременного условия заработать царствие небесное есть в церковном учении и другое. В царствие небесное вместе со страждущими могут, оказывается, попасть и те, кто пользуется всеми благами жизни на этом свете. «Бог одних создал рабами, а других хозяевами», — сказано в Евангелии. Значит, одним предписано повиноваться, тянуть лямку и брать на себя все тяготы жизни, а другим — повелевать, не зная горя и печали. Как говорится, каждому свое. Одни платят за билет в царствие божье пожизненными страданиями, а с других достаточно того, чтобы они время от времени не отказывали в милостыне тем, кто своим трудом кормит и поит их, создает им благополучие на земле.

«Того, кто всю жизнь работает и нуждается, — писал В. И. Ленин, — религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие» (Соч., изд. 4-е, т. 10, стр. 65—66).

Позволительно спросить: где же логика в религиозном учении? То написано в Евангелии, что блаженны страждущие, а то, оказывается, не менее блаженны и нестраждущие. Как согласовать одно с другим? Но церковь поучает, что согласовывать не нужно, ибо подобные вопросы не законны. Кто истинно верует, таких вопросов задавать не станет. У бога и его служителей своя логика, которая нам, обыкновенным людям, недо-

ступна. Если же вам кажется это нелогичным или (не приведи бог!) несправедливым, то... согласно советам церковнослужителей, осените себя крестом и отгоните дьявольское наваждение.

УТЕШАЙСЯ, НО НЕ ЗАБЫВАЙ!..

Итак, мы не живем, а только еще готовимся к жизни. Живут лишь те, кого уже нет в живых, кто умер. Живые ждут смерти, которая есть не конец, а только начало жизни... Такова логика религиозной веры.

В этой логике слишком мало смысла, но зато много... спекуляции. Не имея возможности опереться на достоверные факты, религиозная вера пользуется любой лазейкой, чтобы найти себе оправдание без фактов и вопреки фактам, любой ценой обосноваться в сознании человека. Одной из таких лазеек является свойственный всему живому инстинкт самосохранения, естественное желание избежать смерти и как можно дольше сохранить жизнь.

Под влиянием служителей церкви верующие нередко рассуждают так. Самое страшное для человека — это смерть. Одна только мысль о том, что впереди пропасть бесследного и безвозвратного исчезновения, способна отравить человеку всю его жизнь, сделать тягостным и несчастным все его существование. Как избавиться от этой мрачной мысли? Есть только одно средство: поверить, что жизнь будет продолжаться и после смерти. Пусть такая вера является напрасной. Пусть окажется, что никакого того света нет. Пусть в конечном счете выяснится, что надежда на царствие божье— заблуждение, пустая иллюзия. Но и в этом случае вера ничем-де не заменимое благодеяние, ибо заполняет в

мыслях человека ужасную бездну небытия. Зачем же, мол, отказываться от веры? Зачем отнимать у верующего пусть несбыточную, но светлую надежду на жизнь и благополучие на том свете? Пусть он утешается этой надеждой, если даже она обманчива. Пусть благодаря ей верующий чувствует себя счастливым на этом свете.

Ухватившись за такую идею, защитники религии говорят далее: конечно, те люди, у кого жизнь сложилась счастливо или хотя бы более или менее сносно, не ощущают потребности в вере, не нуждаются в ее утешении. Но ведь мир полон обиженных, обездоленных, несчастных. На что может рассчитывать, в чем найдет отраду, например, безнадежно больной человек, у которого впереди ничего нет, кроме мучений и смерти? Разве можно, желая ему добра, отнимать у него последнее, что он еще имеет, — надежду на воздаяние после смерти за свои муки и страдания?

Вот как отстаивал благотворное значение веры один молодой священник в своем письме в редакцию журнала «Наука и религия»: «Говорят, что религиозная мораль лжива и непригодна для современной эпохи. В некоторой мере я в этом с вами согласен. Но если она помогает людям переносить горе, облегчает их путь и уменьшает страдания, то зачем же от нее отказываться? Возьмем такой пример. К врачу пришел больной, спасти которого невозможно. Не говорит же ему врач об этом. Наоборот, он поддерживает больного надеждой на спасение, на благополучный исход болезни. Мы тоже выполняем благородную миссию спасения душ человеческих».

В подобных рассуждениях самих защитников и проповедников религии закон божий и его роль в жизни человека выглядят далеко не в розовом свете.

Религиозная вера, как невзначай признают сами ее защитники, питается не радостью, а горем. Чем больше

скорби и печали, тем лучше для религии, тем прочнее почва для веры в бога и загробную жизнь. Вера в бога процветает больше всего там, где царят безысходная нужда и тоска, где нет радости и счастья и впереди не на что рассчитывать, не на что надеяться. Горе, несчастья, отчаяние — вот хлеб, которым питается вера, вот воздух, которым она дышит, вот атмосфера, в которой она только и может существовать.

Мы не отрицаем утешительную роль религиозной веры. Она действительно дает какое-то душевное облегчение, какую-то отраду. Но какую и какой ценой? Чтобы воспользоваться благодеянием религиозной веры, чтобы ощутить облегчение и отраду, которые она способна дать, нужно быть жалким, беспомощным, по существу, глубоко несчастным человеком. Это радость нищего, получившего подаяние, это радость голодного, раздобывшего кусок хлеба, это радость тяжелобольного, которому стало легче. Если вы хотите в полную меру ощутить сладость религиозного утешения, навлеките на себя несчастье, отбросьте от себя все радости жизни.

Некий мудрец советовал некоему простаку: если ты хочешь, мил человек, испытать радость облегчения, возложи на себя непосильную ношу, а затем время от времени сбрасывай по горсточке; каждый раз ты будешь чувствовать, что тебе стало легче.

Надо сказать, что священнослужители, изображающие себя облегчителями и даже спасителями душ человеческих, напоминают такого «мудреца». Вера в бога — это груз, и груз немалый, только взваленный не на плечи, а на сознание верующего человека. Неся этот груз, верующий, естественно, нуждается в облегчении, чем и пользуются служители церкви.

Религиозная вера не только следствие безысходной нужды и печали, но и их причина. Она утешает в горе и в этом смысле помогает переносить его. Но религиоз-

ное утешение дается не даром, а за весьма дорогую цену. Человек, принимающий религиозное утешение, должен полностью отдаться горю, принять горе как должное и не предпринимать каких бы то ни было реальных мер к его действительному преодолению. Религиозное утешение не устраняет горестного, безотрадного состояния человека, а лишь примиряет с ним и этим закрепляет его.

Аналогия с врачом, к которой прибегает вышеупомянутый священник, по меньшей мере неуместна. Вся деятельность врача состоит в том, чтобы изгонять болезнь, лечить больного, возвращать ему здоровье. Если он иногда и скрывает от больного правду о состоянии его здоровья, то, во-первых, это не правило, а исключение. Во-вторых, врач преследует этим действительно благородную цель: мобилизовать моральные силы больного на борьбу с болезнью, помочь ему справиться с ней, одолеть ее.

Совсем по-другому выглядит роль священника по отношению к верующему. Вся деятельность священника, пока он священник, построена на скрытии правды от верующего, на извращенном представлении о мире и смысле жизни человека. Священник, проповедуя веру в бога, говорит верующему неправду и не в отдельных, не в крайних случаях, а всегда, повседневно. Притом (и это самое главное) поступает так вовсе не для того, чтобы освободить верующего от заблуждений, а для того, чтобы еще более укрепить веру, заведомо неправильное представление о мире и смысле жизни и не выпустить верующего из сетей религии до конца его дней. Неправда врача (в тех сравнительно редких случаях, когда он прибегает к ней) направлена на освобождение человека от болезни. А неправда священника (составляющая смысл всей его деятельности) направлена на закабаление человека религиозной верой.

Неправда неправде рознь. Та неправда, к которой прибегает врач, если, может быть, и не всегда полезна, то, во всяком случае, и не вредна. Неправда же священника вредна в принципе, в самой сущности своей, по своему основному назначению. Утешая задавленного нуждой, горем и одиночеством человека надеждой на лучшую долю после смерти, священник подтачивает в нем само желание изменить положение, побуждает к бездействию, к примирению со своей участью. Тем самым священник, раввин, мулла или всякий иной служитель церкви не помогает, а мешает человеку строить, создавать, бороться за достойную жизнь в реальном мире.

Что же тут благородного? Нельзя же в самом деле сравнивать положение верующего с положением безнадежно больного, как это делает священник в своей аналогии с врачом. Миссия священника состоит в том, чтобы готовить верующего к смерти, а не помогать ему жить и творить, тогда как миссия врача, как и всякого представителя науки, в том, чтобы продлевать и облегчать жизнь.

Разница, как видите, принципиальная. Нетрудно понять, какова истинная цена того утешения, которое преподносит верующему служитель божий. Выслушивая его усладительные речи, следуя по пути, указанному религиозной верой, живя по закону божьему, верующие должны ради капли небесной сладости (да и то только воображаемой) выхлебнуть полную чашу земной горечи. Иначе говоря, чтобы испытать радость от религиозной веры в то, чего в действительности нет, что является досужим вымыслом, человек должен ничего хорошего не видеть в реальной жизни.

Вот почему Маркс назвал религию опиумом народа. Сравнение до предела меткое. Как при курении опиума (особого отравляющего вещества, содержащего мор-

фин, кодеин, наркотин и др.) приятный сон приходит за счет отравления и разрушения организма, так и утешение надеждой на небесную награду дается за счет отказа от борьбы за все то, чем прекрасна и привлекательна реальная человеческая жизнь.

Никто не станет отрицать, что употребление опиума дает своеобразное забвение, притупляет боль. Его неприятные, губительные свойства поначалу даже не ощущаются, а дают о себе знать лишь потом, после пробуждения. Вначале же человек погружается в приятный сон и ощущает только приятное, избавляется на какое-то время от тягостного самочувствия.

Но все дело в том, что это — искусственное, обманчивое, болезненное облегчение, покупаемое слишком дорогой ценой. Час расплаты наступает очень быстро. Пробуждаясь от сна, человек оказывается разбитым, подавленным, расслабленным в еще бо̀льшей степени, чем до употребления очередной порции опиума. Еще больше, чем прежде, его терзает жажда к новой порции опиума. Кончается тем, что наступает период, когда опиум, продолжая убивать организм, уже не возбуждает и перестает приносить даже временное обманчивое облегчение.

Надо сказать, что священник чем-то напоминает торговца опиумом. Каждая его новая утешительная проповедь является чем-то вроде очередной порции опиума. Человеку, подавленному тяготами жизни, горем, несчастьем или тяжкой болезнью и в достаточной степени ослепленному верой, чтобы религиозные небылицы о небесном вознаграждении принимать всерьез, утешительная проповедь священника способна принести какое-то моральное облегчение. Но эта проповедь, по сути дела, выполняет ту же роль, что очередная порция опиума. Если опиум отравляет и даже постепенно убивает организм человека, то религиозные проповеди священника

действуют таким же образом на его душу, то есть на сознание. Взамен капли иллюзорной сладости они отнимают у человека осознание его истинных целей и задач и обрекают на то, чтобы он довольствовался нищенской духовной похлебкой, которой его снабжает вера в несуществующую лучшую жизнь в вымышленном царствии божьем. Вот в этом главным образом и заключается «благородная» миссия «спасения душ человеческих», которую выполняет священник с помощью своих утешительных проповедей.

Торговцы натуральным опиумом преследуются законом. Мы не хотим сказать этим, что таким же образом следует поступить и с распространителями духовного опиума. Тут дело деликатное и сложное. Но морально на служителей бога ложится та же, если не более строгая, ответственность перед людьми, перед обществом. На их совести лежит (если выражаться религиозно-церковным языком) тот же грех.

Религия, как и опиум, расслабляет человека, убивает его волю, его способность изменить положение, добиться реальных радостей. А этим всегда пользовались поработители трудящихся, любители жить и наслаждаться за чужой счет. Эксплуататорам только и нужно, чтобы люди труда в надежде на небесную награду были посговорчивее здесь, на земле.

Продолжая мысли Маркса о роли религии в жизни общества, В. И. Ленин окрестил ее «духовной сивухой». Это ленинское сравнение в образной форме столь же метко и глубоко выражает подлинную цену религиозного утешения да и сущность религии вообще.

Известно, что под сивухой имеется в виду водка. Название «сивуха» перешло к ней от самогона — той же водки, только самодельной, кустарно изготовленной и содержащей большой процент сивушного масла. Известно также, как сей напиток действует на организм и

сознание человека, особенно если в его употреблении выйти за пределы нормы. Известно, наконец, что к спиртному нередко прибегают с весьма определенной целью — забыться, уйти от действительности, смягчить тягостное состояние, вызванное теми или иными обстоятельствами.

В старину говорили: «С горя запил». И в этом есть весьма глубокая, хотя и суровая правда. Спиртное употребляют, разумеется, не обязательно с горя. С радости тоже выпивают, кто пристрастился к зелью. Но выпивка выпивке рознь. И дело не только в количестве выпитого, а и в характере выпивки, и ее причинах. В омут опьянения в полном смысле этого слова бросаются нередко те, кто ищет забвения, кто хочет хотя бы на время спрятаться от жизни, от гнетущих обстоятельств, кому нужно смягчить душевную боль. Именно о такой выпивке в данном случае идет речь.

Неправильно было бы отрицать, что такая мера приносит какое-то облегчение. Но ведь оно достигается отравлением организма. Когда пройдет хмель, человек оказывается в еще более отвратительном состоянии — и физическом, и моральном, и материальном. Нет, такого облегчения лучше не надо!

Верующий нередко уверяет, что когда он придет в церковь, станет на коленях перед алтарем и начнет молиться, то явно чувствует облегчение. Не будем спорить: по всей видимости, так бывает. Но все дело в том, что такого рода облегчение очень похоже на ту радость, которую испытывает человек, пристрастившийся находить отраду в запое. Обманчивая, нездоровая отрада оборачивается после пробуждения человека еще более безотрадным состоянием.

Всякое сравнение условно. Сопоставляя самочувствие верующего, стоящего на коленях перед алтарем, с самочувствием пропойцы, валяющегося под забором, было

бы несправедливо ставить того и другого на одну доску. Первому можно лишь посочувствовать, тогда как второй кроме сочувствия заслуживает, как правило, еще и презрения. Но и тот и другой схожи в одном: оба они безжалостно обкрадывают самих себя, оба пасуют перед обстоятельствами, покоряются судьбе и идут по линии наименьшего сопротивления.

Пойти за облегчением в храм, мечеть, синагогу, сектантский молитвенный дом или с досады напиться — это ведь проще всего. Для этого не требуется силы воли, какого-либо упорства и преодоления преград. Как раз наоборот: молитва и пьянство являются следствием безволия и слабости. Но такая мера ни в одном, ни в другом случае ничего не дает, кроме напрасной растраты сил. А ведь эти силы можно было бы использовать для достижения не призрачного, а действительного облегчения, для устранения причин, понуждающих одного обращаться к богу, а другого прикладываться к спиртному. И там и здесь сивуха; только в одном случае духовная, а в другом — натуральная. И одна и другая отравляют сознание человека, подрывают его силы. Как запой, так и молитва — удел слабых, безвольных людей. Они не только не избавляют от горя и печали, а лишь углубляют их.

Служители церкви весьма щедры на благодеяния. Все дело только в том, что эта щедрость идет не за их собственный счет, а за счет несуществующего бога. За счет бога они готовы осыпать верующих несметными сокровищами. Из того, что находится не здесь на земле, а там на небесах, ничего не жаль. Они подписывают любые векселя, ибо знают, что оплачивать их не придется. Оплачивать должен бог, с которого, как говорится, «взятки гладки»... Какова будет оплата — неизвестно. По всему видно, что ее и вовсе не будет. Но пока, до выяснения, то есть до конца дней твоих, терпи, от-

казывай себе во всем, в чем только можешь, по возможности проходя мимо «тленных» земных ценностей, на удары судьбы не ропщи, страдай и благодари бога за страдания, ибо только через них ты можешь пройти в царствие божье... В общем, утешайся, пей духовную сивуху! Благодаря этому «зелью» тебе горькое покажется сладким. Так и дотянешь до смертного часа, а там... Там бог все учтет, все оплатит.

Впрочем, когда расписывают утешительную роль веры в бога и загробную жизнь, то почему-то умалчивают о другой, оборотной стороне медали. В загробном мире, как учит церковь, не только рай, но и ад. И если рай соблазнителен, то ад ужасен.

Прелести рая весьма относительны. Ими не всякого соблазнишь. Они сводятся главным образом к вечному ничегонеделанию, к безделью. Райские кущи описаны в религии весьма бледно, сухо, невыразительно.

А вот ад... Здесь фантазия сочинителей того света поработала куда более основательно. Каких только страстей нет в аду! Тут и раскаленная сковорода, которую нечестивые должны лизать языком, и котел с кипящей смолой для вываривания грешников, и «геенна огненная», наполненная стоном и скрежетом зубов вечных мучеников... Если всерьез этому верить — а религия требует верить всерьез, — то можно с ума сойти от одной только мысли об ужасах гнева божьего.

Правда, церковь тут же спешит «успокоить», что этого можно избежать угодным богу поведением в земной жизни. Но для такого поведения, как потом выясняется, требуется очень многое. Нужно заведомо отказаться от жизни, влачить самое жалкое существование, стоять на коленях в слезах перед образом божьим, изнурять себя постами, дрожать от страха не только за свои дела, но даже за те богопротивные мысли, которые невзначай могут прийти в голову. А кто же в силах все

это соблюсти? Можно, что называется, лезть из кожи вон, но достаточно одного опрометчивого шага, чтобы свести на нет старания всей жизни. Перед лицом верующих всегда маячит пример наших мифических прародителей Адама и Евы. Достаточно было им вкусить плод от древа познания добра и зла, чтобы обречь себя и все свое ни в чем не повинное потомство на проклятие божье. Не ясно ли, что, как ни старайся, даже самый аккуратный исполнитель предписаний закона божьего допустит за свою жизнь гораздо больше нарушений, чем то, что позволили себе Адам и Ева.

Выходит, что большинству верующих (не говоря уж о неверующих) приготовлены не райские блаженства, а адские муки. Церковь сама твердит на каждом шагу, что в ад попасть очень легко, тогда как заслужить рай чрезвычайно трудно.

Спрашивается: что же здесь утешительного?

Нам, атеистам, трудно спорить с верующими по поводу их собственных чувств. Тут, как говорится, им виднее. Возможно, не все здесь доступно нашему атеистическому разумению (о чем они часто нам говорят). Но атеисты никак не могут согласиться с тем, что перспектива «вечной жизни» с риском почти наверняка оказаться в пламени «вечного адского огня» привлекательнее перспективы бесследного исчезновения. Вряд ли может быть сомнение, что любой верующий с величайшей радостью предпочел бы в конце жизни раз и навсегда исчезнуть, чем участвовать в лотерее: в рай или в ад, сознавая, что шансов попасть в рай намного меньше, чем в ад.

Тысячу раз был прав французский атеист XVIII века Поль Гольбах, когда в письме к некоей весьма набожной особе писал: «Если, как это часто повторяет христианская религия, число избранников невелико, блаженство же трудно достижимо, а число осужденных

огромно, кто же захочет вечной жизни, со всей очевидностью рискуя вечно страдать? Не лучше ли вовсе не родиться, чем волей-неволей участвовать в такой опасной игре? Да и представление о небытии не приятнее ли мысли о существовании, которое так легко может привести к вечным мукам? Разрешите мне, сударыня, сослаться на вас самих: если бы перед появлением на свет вам дали возможность выбрать между жизнью и небытием, предупредив при этом, что, выбрав первое, вы сможете избежать вечных мук всего лишь в одном случае из ста тысяч, неужели же вы предпочли бы жить?»

Да, да, если бы верующему была предоставлена возможность выбирать, он наверняка сказал бы: «Не надо мне рая, только избави меня бог от ада». Лучше не иметь никакой надежды на небесную награду, сколь бы заманчивой она ни была, но зато быть свободным от страха перед ужасами адских мук. Лучше вместе со всеми земными существами утонуть в бездне небытия, превратиться в тлен, смешаться с землей, чем рисковать вместо царствия небесного попасть в преисподнюю и вечно поджариваться в аду.

Но церковь выбора не дает. Она внушает пастве мысль, что все во власти божьей и ничего не остается, как покориться своей судьбе. Жди царствия небесного, утешайся надеждой на милость божью, но... помни, что есть и «геенна огненная», не забывай, что проход в рай до предела узок, тогда как адские ворота открыты настежь и что, несмотря на все твои старания, вероятнее всего тебя ждет не райское блаженство, а ужасная судьба вечного мученика.

Вот так утешение! От такого «утешения» и впрямь позавидуешь только тем, кто никогда не рождался на свет. Человек, всерьез верящий в религиозные сказки о загробном мире, не столько окрылен перспективой

небесного блаженства, сколько подавлен страхом вечных мук в аду.

Напрасно служители бога приписывают себе спасительную миссию. Вместе с ложкой меда они преподносят бочку дегтя, рекомендуя верующему всю жизнь питаться такой пищей. Этим они не услаждают, а огорчают жизнь верующего, не говоря уж о том, что они подтачивают его силы в борьбе за земное, единственно возможное, единственно реальное счастье.

МИЛОСЕРДИЕ ПО-БОЖЕСКИ

Религиозную веру в среде верующих людей принято считать источником человеколюбия, сердечного отношения между людьми, всяческого доброжелательства. Закон божий христианской религии особенно переполнен мягкими, ласковыми словами. В нем очень много говорится о добре, любви, братстве и прочих привлекательных вещах. Если судить о законе божьем по его словам, то можно и впрямь подумать, что лучших правил жизни и не придумаешь. Но что получается на деле?

Да, слова, излагающие закон божий, с виду чаще всего мягкие и задушевные. Этим закон божий и привлекает к себе людей, нуждающихся в сочувственном, участливом слове. Однако главное не в том, как звучат слова, а в том, каково их содержание, какие идеи они выражают и проповедуют. Грош цена задушевности и сердечности, за которыми скрывается черствость и пренебрежение к человеку. Грош цена ласковым словам, в которых выражаются и проповедуются жестокие, бесчеловечные идеи.

Именно этим отличаются внешне весьма привлекательные слова закона божьего.

Как бы мягко и чистосердечно ни звучали проповеди закона божьего, но стоит чуть-чуть повнимательнее прислушаться к ним — и сразу же услышишь нечто совсем иное. Они наполнены презрением к самому дорогому — реальной жизни человека. Жизнь, данная человеку всего один раз, третируется, оплевывается, низводится до «суеты сует», до места отбывания наказания, до страны изгнания, юдоли скорби и печали. Более того, оказывается, что и на том свете, ради которого нас призывают терпеть все земные невзгоды, тоже... бабушка надвое гадала! Хорошо, если в рай, а если в ад?..

Расписывая благость божью, верующим тут же напоминают о чрезвычайно мрачных вещах. Постоянно говорят о страшном суде, об ужасах гнева божьего, о том, что у бога на учете каждый шаг и даже каждая наша мысль, что за все, буквально за все предстоит держать ответ перед неумолимым судьей, способным приговорить любого из нас к таким мучениям, которые невозможно даже вообразить. Притом приговорить не на час, не на год, даже не на всю жизнь, а на бесконечно более длительный срок — на целую вечность!

В реальной земной жизни, когда жертву варварского суда подвергают казни, допустим сжигают живьем на медленном огне, через несколько минут, через час, пусть даже через сутки приходит избавление от мучений — человек умирает. А тут — вечность! Самая бесчеловечная пытка, на которую кто-либо и когда-либо был осужден на земле, выглядит величайшим благодеянием по сравнению с теми мучениями, которые приготовил для подавляющего большинства людей — своих возлюбленных чад — господь бог. Какой же мерой жестокости, бессердечия, бесчеловечности надо обладать, чтобы только додуматься до этого, не говоря уже о том, чтобы изо дня в день пропагандировать такое учение!

Проповедники религии, третируя человека, как «ра-

ба божьего», недостойную тварь, погрязшую во грехах нечисть, не устают вместе с этим повторять, что человек — венец творения, предмет особой любви и заботы божьей. Все живое и неживое в мире, кроме самого бога и его заклятого врага дьявола, подвластно человеку, создано для него. В отличие от всех своих тварей бог вдохнул душу, воплотил образ свой только в человеке. Лишь ему одному бог дал разум и открыл веру. Только к человеку бог снизошел со своими заветами, только его приблизил к себе, удостоив быть рабом своим.

Но что дают человеку все эти дары и преимущества? Они оборачиваются для него величайшим несчастьем и проклятьем. Даже раб земного владыки при всей унизительности своего положения все же может проявить какую-то самостоятельность, оказать сопротивление, предъявить свои права и при случае изменить положение. Ему по крайней мере никто не в силах запретить хотя бы втайне презирать, ненавидеть своего поработителя и вынашивать мысль о своем освобождении, с тем чтобы в подходящий момент осуществить ее.

«Раб божий» лишен даже этого. Религиозная вера строго-настрого запрещает ему не то чтобы поднять руку на бога (об этом и речи быть не может!), но даже помыслить о чем-нибудь подобном. А уж о какой-либо обиде на бога, сомнении в его справедливости или (боже упаси!) неприязни к нему — страшно даже подумать. Ты должен, прямо-таки обязан любить бога, притом любить всею душою твоею, всем сердцем твоим, хотя невозможно понять, как можно искренне (всей душой, всем сердцем) любить того, кто способен осудить тебя на вечные мучения только за то, что ты ему не угодил.

Выходит, бремя «раба божьего» еще более беспощадно и унизительно, чем бремя раба человеческого. Человек (этот царь земли, как не прочь величать его церковь) в силу рабского положения перед богом ока-

зывается в абсолютно бесправном, пришибленном положении. Ему впору позавидовать самой ничтожной букашке. Та по крайней мере освобождена от неотступной слежки, от унизительного божественного контроля, от всевидящего господнего глаза, который установлен за каждым шагом и даже за каждой мыслью человека. Благодаря тому что букашка, как и все остальные существа, кроме человека, не имеет никаких отношений с богом, не связана с ним никакими заветами, не является предметом его особой заботы и любви, — над ней не висит домоклов меч гнева божьего, готового обрушиться на человека безмерной по жестокости карой — осуждением на вечные муки в «огненной геенне». Самое страшное, что может ей угрожать, — это смерть и бесследное исчезновение после смерти. Но разве во сто крат не предпочтительнее навсегда исчезнуть, чем по прихоти господней вместо царствия божьего, предназначенного, по учению самой же церкви, только немногим избранным, угодить на адскую плиту?

Кто-то сказал, что если бы существовал ад, то рай был бы невозможен. В этих словах весьма глубокая житейская правда. Как можно блаженствовать в раю, сознавая, что в это же самое время твои соотечественники по земной жизни, такие же люди, как и ты, подвергаются невообразимо мучительным, не имеющим конца пыткам? Особенно если среди мучеников ада есть твои родные, близкие, дорогие тебе люди... Что может, например, означать рай для матери, которая знает, что ее сын или дочь мучаются в аду?

В наше время всякого верующего окружают неверующие люди, среди которых есть, может быть, мать, отец, брат, сестра, сын, дочь, муж, жена, близкий друг и т. д. Согласно учению церкви, все эти люди, если они не веруют в бога, предназначены в ад. Разве для любого из нас, кому присуще хотя бы самое элементарное

чувство человеческого сострадания, рай в таком случае может быть раем?

Несмотря на теплые, задушевные слова, которыми изложены идеи и требования закона божьего, от него веет леденящим холодом и бездушием. Он ориентирует верующего по сути дела на то, чтобы меньше всего заботиться о своих близких, несмотря на проповеди любви к ближнему. Самые трогательные привязанности людей друг к другу не имеют для закона божьего никакого значения. Более того, поскольку эти привязанности отвлекают человека от бога, то их надо беспощадно рвать. Из самого существа церковного учения о законе божьем следует, что у верующего есть только одно истинно близкое и бесконечно дорогое существо — это сам господь бог. А мать, отец, твой родной малыш? Все это не то. И если кто-то из них или все вместе мучаются в аду, горят в адском пламени — пусть их, так им и надо, нечестивцам! Раз со мною бог и я в раю — я счастлив и никто мне не нужен... Вот ведь какое бесчувствие, равнодушие, черствость к судьбе ближнего кроется в «мягкосердечии» и «любвеобилии» закона божьего.

Жестокость и бесчеловечность закона божьего проявляется даже там, где говорится и подчеркивается, что бог милостив и что, если со всей душой и благоговением обратиться к нему, стать перед ним на колени и с усердием помолиться, он все простит.

Да, бог милостив. Тот самый бог, который так жестоко и так безжалостно наказал весь род человеческий за прегрешение, не стоящее того, чтобы о нем всерьез говорить, — тот же самый бог готов простить за самое страшное, непростительное преступление, если вы его попросите об этом или если... он сочтет это нужным. Ведь жестокость и бессердечие может выражаться не только в слишком строгом наказании, но и в безнаказанности тех, кто заслуживает наказания.

Согласно самому же закону божьему, грех можно замолить, выпросить у бога прощение с помощью святой молитвы, как бы договориться с ним. Всякий, кого влечет недоброе, кому не терпится сотворить зло, в том числе прямое преступление, может действовать без оглядки, ибо в законе божьем сказано: «На небесах более радости об одном грешнике кающемся, нежели о девяносто девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лука, 15 : 7).

Вот уж поистине: «не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься». Богу важно, чтобы у вас постоянно был повод становиться перед ним на колени, слать ему свои мольбы, чувствовать свою вину и трепетать перед ним. А как вы относитесь к людям — это не так уж важно. Можно честно и достойно прожить всю жизнь и все же, согласно закону божьему (а лучше сказать, божьему беззаконию), оказаться «ни за что ни про что» в преисподней. И наоборот: можно совершать преступления, вести самый недостойный образ жизни, но благодаря покаянной молитве заслужить благодать божью и даже... пройти в рай!

Недаром среди людей, поминающих на каждом шагу имя бога, так часто встречаются люди без чести и совести. Сами блюстители закона божьего — служители всех церквей — могут быть в этом отношении достойным примером. Достаточно вспомнить позорную деятельность «святой» инквизиции. Сколько лучших людей своего времени замучено инквизицией, истерзано, сожжено живьем на кострах! И за что? Только за то, что эти люди посмели усомниться в истинности религиозного учения, в достоверности закона божьего. Среди жертв церковного «милосердия» имена таких поборников истины и добра, как Джордано Бруно, Мигель Сервет, Уриэль Акоста, Галилео Галилей, Лючилио Ванини и многие другие. Православная церковь на Руси благословила

жестокую расправу с такими борцами за народную правду и справедливость, как Степан Разин и Емельян Пугачев. Предав проклятью, анафеме, православная церковь заранее, еще до суда божьего, определила их в ад. А что касается революционеров, борцов за свободу и счастье народа, то церковь прокляла их всех сразу без какого-либо разбирательства.

Нынешние служители бога открещиваются от преступлений своих предшественников. Они говорят: это было «недоразумением», и не пора ли забыть об этом?

Да, об этом можно было бы забыть и не вспоминать лишний раз, если бы это было только «недоразумением», а не проявлением самой сущности религии и церкви и если бы с именем бога в душе и «святой» молитвой на устах не творились самые бесчеловечные злодеяния и в наши дни.

В странах капитала, где церковь и религия состоят на службе у правящих классов, от имени бога оправдывается такое позорное явление, как колониализм. Не только не разоблачаются, а и берутся под защиту саботажники разоружения, допускаются прямые призывы к применению термоядерного оружия. Если бы существовал бог и его справедливый суд, то кое-кого и впрямь следовало бы осудить на вечные муки в «геенне огненной». Но те, кто пугает простых смертных страхом божьим, как видно, не очень уж боятся кары господней за свои преступные дела. Да и чего бояться: бог ведь милостив, он все простит. Достаточно лишний раз да поусердней помолиться — и все сойдет с рук.

Набожные лицемеры, видимо, очень хорошо усвоили закон божий. Они знают, что, если даже есть бог, им нечего бояться: на то есть покаянная молитва. Когда набожный Гарри Трумэн — бывший президент США — отдавал приказ сбросить атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки, он если чего и боялся, то

только ответственности перед народами. Что же касается ответственности перед богом, в которого он твердо верит и к которому обращается каждый день и час, то это его беспокоило меньше всего.

Недалеко от Трумэна ушел и нынешний президент США. В своих выступлениях и посланиях он тоже нередко ссылается на бога, поминает его «святое» имя и, должно быть, живет по закону божьему. И что же, чем прославил себя этот человек? Тем, что организовал агрессию в Панаме, Конго, Доминиканской Республике, во Вьетнаме, применяет против вьетнамских детей, стариков, женщин химические средства массового уничтожения, напалмовые бомбы, отравляющие газы... Казалось бы, за что за что, а уж за это гнева божьего не миновать. Но... по всей видимости, как самого президента, так и исполнителей его воли, среди которых немало весьма набожных людей, это меньше всего беспокоит.

Недавно в одном из шведских журналов был помещен весьма показательный фотоснимок, на котором запечатлены будничные сцены из жизни американских летчиков, пиратствующих в небе Вьетнама. Сцена первая: богослужение перед вылетом. Благочестивое выражение на лицах, губы шепчут молитву с просьбой к всевышнему о прощении грехов. Каждый в этот момент, по всей вероятности, вспоминает родных, внимает проповеди священника, призывающего возлюбить ближнего, как самого себя. Сцена вторая: бомбардировщик в небе над Вьетнамом. Сейчас уж не до молитв! На мирные селения, на головы стариков, женщин, детей обрушивается смертоносный груз. Гибнут люди, пылают хижины и рисовые поля.

Это ли не демонстрация варварства и лицемерия! Под этими сценами уместна подпись: отмолились и... отбомбились.

Почитатели закона божьего скажут, что закон бо-

жий тут ни при чем, что такие дела совершаются в нарушение его предписаний и на том свете все это припомнится. Однако что могут означать эти слова для жертв агрессии? Только злонамеренную, циничную издевку! Разве народам, страдающим от варварской агрессии, сколько-нибудь легче от того, что закон божий обещает взыскать с агрессоров за их преступления... на том свете?

Да много ли стоят эти обещания, если в законе божьем полно лазеек, чтобы выйти из воды совершенно сухим, на что, по всей видимости, и рассчитывают набожные разбойники. Кто-кто, а они уж закон божий знают, изучили его вдоль и поперек. Им-то отлично известно, что бог не прощает лишь один грех — неверие, безбожие, а на все остальное смотрит сквозь пальцы. Правда, закон божий предупреждает, что вера без дел мертва. Но... во-первых, поди знай, что имеется в виду под делами. Скорее всего, просто-напросто угождение богу в повседневных поступках, то есть все то, что велит делать церковь. Во-вторых, если даже что и не так, если допущено нарушение, на то есть раскаяние, есть «святая» молитва.

Нечистая, разбойная жизнь под сенью закона божьего нашла свое глубоко правдивое отражение в образах классической художественной литературы. Вот одна сценка из романа А. М. Горького «Фома Гордеев».

«Приехав на пароход во время молебна, Фома стал к сторонке и всю службу наблюдал за купцами.

Они стояли в благоговейном молчании; лица их были благочестиво сосредоточены; молились они истово и усердно, глубоко вздыхая, низко кланяясь, умиленно возводя глаза к небу. А Фома смотрел то на того, то на другого и вспоминал то, что ему было известно о них.

Вот Луп Резников — он начал карьеру содержателем публичного дома и разбогател как-то сразу. Гово-

рят, он удушил одного из своих гостей, богатого сибиряка... Зубов в молодости занимался скупкой крестьянской пряжи. Дважды банкротился... Кононов, лет двадцать назад, судился за поджог, а теперь тоже состоит под следствием за растление малолетней. Вместе с ним — второй уже раз, по такому же обвинению — привлечен к делу и Захар Кириллов Робустов — толстый, низенький купец с круглым лицом и веселыми голубыми глазами... Среди этих людей нет почти ни одного, о котором Фоме не было бы известно чего-нибудь преступного...

«Обманщики...» — думал он, ободряя себя.

А они тихонько покашливали, вздыхали, крестились, кланялись и, окружив духовенство плотной стеной, стояли непоколебимо и твердо, как большие, черные камни.

«Притворяются!» — восклицал про себя Фома. А стоявший обок с ним горбатый и кривой Павлин Гущин, не так давно пустивший по миру детей своего полоумного брата, проникновенно шептал, глядя единственным глазом в тоскливое небо:

— Господи! Да не яростию твоею обличиши мене, ниже гневом твоим накажеши мене...

И Фома чувствовал, что человек этот взывает к богу с непоколебимой, глубочайшей верой в милость его...

Купечество единодушно, широкими взмахами рук осеняло груди свои знамением креста, и на всех лицах выражалось одно чувство — веры в силу молитвы...

Все это врезалось в память Фомы, возбуждая в нем недоумение перед людьми, которые, умея твердо верить в милость бога, были так жестоки к человеку».

В этой яркой, предельно правдивой картине отражены как в зеркале роль и значение закона божьего как нравственной узды. Практически эта узда удерживает в рамках нравственного, честного поведения только тех, кто и без закона божьего не способен на подлость и преступление. Кто же способен на это, тому закон бо-

жий не помеха. Скорей наоборот: в законе божьем можно при желании отыскать даже вдохновение на недобрые дела. Раз грех можно замолить или просто-напросто откупиться от него, принеся на церковный алтарь какую-то часть из нажитого нечестным путем, из награбленного, так в чем же дело? Выведенные великим художником персонажи (а эти персонажи взяты из гущи жизни) так и поступают. Они обманывают, грабят, измываются над всеми нижестоящими, а затем приходят в церковь и вместе с молитвами и долей от награбленного оставляют здесь все свои грехи. После этого можно грешить заново, продолжать свою безнравственную, преступную жизнь.

А разве не показателен в этом отношении образ Иудушки Головлева, выведенный в романе великого русского сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»? Перед нами портрет отвратительного набожного ханжи, с уст которого не сходит имя бога, и он же на каждом шагу творит пакости. Вот сцена у постели умирающего брата, имением которого нестерпимо хотелось завладеть Иудушке.

«Иудушка стоял у постели, всматривался в больного и скорбно покачивал головой.

— Больно? — спросил он, сообщая своему голосу ту степень елейности, какая только была в его средствах.

Павел Владимирович молчал и бессмысленными глазами уставился в него, словно усиливался понять. А Иудушка тем временем приблизился к образу, встал на колени, умилился, сотворил три земных поклона, встал и вновь очутился у постели.

— Ну, брат, вставай! Бог милости прислал! — сказал он, садясь в кресло, таким радостным тоном, словно и в самом деле «милость» у него в кармане была.

Павел Владимирович, наконец, понял, что перед ним не тень, а сам кровопивец во плоти. Он как-то вдруг

съежился, как будто знобить его начало. Глаза Иудушки смотрели светло, по-родственному, но больной очень хорошо видел, что в этих глазах скрывается «петля», которая вот-вот сейчас выскочит и захлестнет ему горло.

— Ах, брат, брат! Какая ты бяка сделался! — продолжал подшучивать по-родственному Иудушка. — А ты возьми да и приободрись! Встань да и побеги! Труском-труском — пусть-ка, мол, маменька полюбуется, какими мы молодцами стали! Фу-ты, ну-ты!

— Иди, кровопивец, вон! — отчаянно крикнул больной.

— А-а-ах! Брат, брат! Я к тебе с лаской да с утешением, а ты... какое ты слово сказал! А-а-ах, грех какой! И как это язык у тебя, дружок, повернулся, чтобы этакое слово родному брату сказать! Стыдно, голубчик, даже очень стыдно...

— Уйди... кровопивец!

— Вот ты меня бранишь, а я за тебя богу помолюсь. Я ведь знаю, что ты это не от себя, а болезнь в тебе говорит. Я, брат, привык прощать — я всем прощаю...

— Иуда! Предатель: мать по миру пустил!..

— Ну, перестань же, перестань! Вот я богу помолюсь: может быть, ты и попокойнее будешь...

С последними словами он действительно встал на колени и с четверть часа воздевал руки и шептал. Исполнивши это, он возвратился к постели умирающего с лицом успокоенным, почти ясным.

— А ведь я, брат, об деле с тобой поговорить приехал, — сказал он, усаживаясь в кресле. — Ты меня вот бранишь, а я об душе твоей думаю. Скажи, пожалуйста, когда ты в последний раз утешение принял?

— Господи! Да что же это... Уведите его! Улитка! Агашка! Кто тут есть? — стонал больной.

— Ну, ну, ну, успокойся, голубчик! Знаю, что ты об этом говорить не любишь. Да, брат, всегда ты дурным

христианином был и теперь таким же остаешься. А не худо бы, ах, как бы не худо в такую минуту об душе-то подумать! Ведь душа-то наша... ах, как с ней осторожно обращаться нужно, мой друг! Церковь-то что нам предписывает? Приносите, говорит, моления, благодарения... А еще: христианские кончины живота нашего безболезненны, непостыдны, мирны — вот что, мой друг! Послать бы тебе теперь за батюшкой, да искренне, с раскаянием... Ну-ну! Не буду! Не буду! Я право бы так!..

Павел Владимирович лежал весь багровый и чуть не задыхался. Если б он мог в эту минуту разбить себе голову, он, несомненно, сделал бы это.

— Вот и насчет имения — может быть, ты уж и распорядился? — продолжал Иудушка. — Хорошенькое, очень хорошенькое именьице у тебя — нечего сказать. Земля даже лучше, чем в Головлеве: с песочком суглиночек-то! Ну, и капитал у тебя...

Так Иудушка подходил к основной цели, после того как почти добил брата своим ханжеством и пустословием».

Иудушка Головлев — образец человека, воспитанного в духе тех идей и правил поведения, которые содержатся в нравственных требованиях закона божьего. Видимость одна, а сущность совсем другая. На словах братство и любовь, а на деле разбой и человеконенавистничество. Внешне честность и правдивость, а внутри ложь и обман. На устах молитва, а за пазухой камень. В глазах светлая улыбка, а в душе черствость и черный замысел...

Закон божий превозносится церковью как единственный, ничем не заменимый источник нравственности. А на поверку оказывается, что это далеко не так. К правилам поведения, предписываемым законом божьим, вполне применима народная поговорка: «Что дышло — куда повернул, туда и вышло». В них нет ничего устойчивого, определенного. За сущую безделицу можно получить

вечные мучения, а за самое злостное преступление — прощение.

Впрочем, ничего удивительного в этом нет. Богу ведь никто не указ, его не образумишь, не призовешь к порядку. В его власти делать даже все наоборот: за добро наказывать, а за зло награждать. На все ведь его господня воля.

Однако при чем же здесь нравственность? Нравственность, или мораль, — это определенные нормы или правила поведения, то есть нравственные законы. А закон божий на поверку вовсе и не закон, а полнейшее беззаконие.

Церковь обращается с законом божьим, как со своей собственностью. С его помощью она то успокаивает, усыпляет, вселяет пустую, но радужную надежду на царствие божье после смерти, то приводит в трепет, давит страхом божьим, пугает ужасами преисподней. И в том и в другом случае церковь нравственно опустошает человека, убивает в нем все истинно человеческое, деятельное, живое, побуждая посвящать духовные силы не реальности, а химерам, не людям, без которых нет истинно человеческой жизни, а какому-то придуманному, неведомому, далекому, совершенно чужому существу под именем господа бога, не жизни со всеми ее радостями и благами, а смерти. Как ни присматривайся к закону божьему, но это черствый, бездушный, бесчеловечный закон, прикрытый лишь сладкими словами.

ОБРАЗЕЦ НАИЗНАНКУ

Никто, включая самих «отцов церкви», что-либо внятное сказать о боге не может. Тем не менее, исходя из содержания того закона, который преподносится от его имени, кое-какое

представление о нем, по крайней мере о его нравственном облике, мы все же можем составить. Каков закон, таков и законодатель. Или, говоря точнее, каков законодатель, таков и закон.

Разумеется, в отличие от верующих людей, мы склонны думать, что бога нет, и даже глубоко в этом убеждены. Наше убеждение основано не только на том, что сама идея бога со всех точек зрения нелепа, до крайности бессмысленна. Она, эта идея, совершенно излишня. Для объяснения мира (из-за чего несведущие люди цепляются за идею бога) в боженьке нет решительно никакой надобности. Мир прекрасно обходится без бога. Для него в мире нет никаких функций и дел и даже нет места. Зачем же тогда и к чему идея о «бытии божьем»?

Но поскольку есть люди, думающие иначе (не имея на это никаких оснований, кроме своей голой, слепой, ничем не подкрепленной веры), то приходится говорить о боге, говорить в том смысле, каким бы он был, если бы существовал. В данном случае нас интересует бог с чисто нравственной стороны. Что можно сказать о боге в этом смысле, если судить о нем по тем словам, которые произносятся от его имени, а главное, по тем делам, которые ему приписываются самой же церковью?

В душе искренне верующего человека слово «бог» вызывает благоволение и трепет. Выше этого слова для него ничего нет. Все самое благородное, возвышенное, святое заключено в слове «бог». И с этим приходится считаться.

Конечно, в делах веры немало и спекулянтов. Именно среди них чаще всего можно встретить ханжей и лицемеров, которые, по сути дела, и веруют из-за выгоды, из-за голого чистогана, из-за корысти в том или ином виде. Но не о них речь. С ними бесполезно говорить и в чем-либо убеждать. Они достойны только одного — разоблачения. Речь идет об искренне верующих, искренне заблуждаю-

щихся людях, которые хотят видеть в том, во что верят, все только хорошее, честное, справедливое.

Разумеется, говорить с такими людьми о боге — дело весьма деликатное. Их уши и сердца по отношению к богу заранее настроены на определенную волну и готовы воспринимать о нем только возвышенные и похвальные речи. Но... что делать, если сама же церковь и даже «священные писания» (основа основ религиозного вероучения), превознося добродетели божьи, не могут сказать о нем ничего такого, что во сто крат не перекрывалось бы совершенно иным, прямо противоположным.

Бог, как учит церковь, кроме того, что он творец и единовластный владыка мира, есть воплощение нравственной чистоты и безгрешия. Это — идеал всех идеалов, недосягаемый образец нравственного поведения для всего человеческого рода. Что есть в мире доброго, честного, справедливого, прекрасного, правдивого, совершенного и т. п. — все от бога. Везде и во всем следовать его примеру — высший нравственный долг всех, кто верует в него.

Но позволительно спросить: в чем же выражаются все эти высокие нравственные качества божьи? Красивых слов наговорено много, а какие за ними кроются дела? Как выглядел бы в нравственном отношении человек, если бы в своем поведении стал подражать тому самому богу, которого рисует церковь?

Говорят, что бог дал нам жизнь, сотворил для нас мир и все существующее в нем. Как же, мол, не преклоняться, не благоговеть, не испытывать чувства безграничной благодарности за столь щедрый дар!

Но где он, этот дар? Стоило нашим прародителям чуть-чуть оступиться, как сразу же этот дар превратился в проклятье, в величайшее несчастье. С первого же своего шага человек попал в немилость к богу, стал грешным, утратил право на благоденствие и счастье и осуж-

ден на то, чтобы влачить жалкое существование, добывать в поте лица своего хлеб насущный, неся бремя нужды, унижений и позора.

Правда, как повествует христианская церковь, бог, хотя и очень дорогой ценой (страданиями и мученической смертью своего единосущного сына), в какой-то мере поправил дело, спас род человеческий. Однако проку от этого спасения, как оказалось, не так уж много. Собственно, вовсе никакого проку нет. В реальной, земной жизни все осталось по-старому. Спасение свелось всего лишь к обещанию счастья... после смерти, за гробом. Да и то не всем и даже не большинству, а лишь немногим избранным, тем, кого бог сподобил достаточным запасом терпения и выносливости для безропотного перенесения всех страданий и унижений, на которые сам же осудил человека за грехи. Всем же остальным, то есть подавляющему большинству людей, всемилостивейший бог приготовил вечные муки в «геенне огненной».

Если говорить начистоту, то все страдания и самопожертвование сына божьего пошли не на пользу, а во вред людям, которых он спас. До этого спасения, как бы жестоко ни расправлялся бог с людьми за те или иные их провинности, наказание заключалось в том, что бог в порыве гнева поражал проказой, моровой язвой, нагонял саранчу, песьих мух, подвергал уничтожению и испепелению. Высшей мерой наказания была смерть. Что же касается вечных мук в аду, то в так называемом «Ветхом завете» Библии о них речи нет.

Новозаветный же бог Иисус Христос только с виду кроткий, всепрощающий, сострадательный. А на деле он куда более беспощаден и жесток, чем его хмурый, всегда разгневанный отец. За добреньким, кротким ликом сына божьего скрывается такое, о чем и подумать страшно. По правде говоря, было бы лучше, если бы бог не спасал род человеческий.

К чему в конечном счете свелось все дело? Во что обернулся дар божий? Есть в таких случаях мудрая поговорка: «Гора родила мышь». Сама же церковь свидетельствует, что добра на земле нет, мир погряз во зле. Вместо благоденствия и счастья воцарилась «юдоль скорби и печали». Надежда на загробное воздаяние тоже малоутешительна и даже страшна, поскольку она неразрывно связана с мрачной мыслью о том, что в загробном мире есть не только рай, но и ад и что шансы на рай крайне малы, тогда как в ад попасть можно запросто.

Вот к чему свелось то благо господне, о котором так много и с такой торжественностью говорит церковь.

Если все это так (а об этом написано в Библии и других «священных» книгах), то невольно возникает вопрос: зачем бог даровал человеку жизнь? Не лучше ли было не делать этого? Не лучше ли было оставить человека в покое, не извлекать его из небытия, в котором он пребывал до этого целую вечность, не зная ни горя, ни печали?

Жизнь — великое благо. Но она благо лишь в том случае, если счастлива. Если же в ней ничего нет, кроме страданий и мук, на которые, согласно учению церкви, бог осудил человеческий род, то спасибо за нее не скажешь. Такой дар заслуживает скорее проклятия, чем благодарности. Разве же бог не был бы во сто крат добрее, если бы оставил все, как было до сотворения мира и человека?

Почитатель закона божьего скажет, что во всем случившемся повинен сам человек. Прояви он стойкость, не поддайся соблазну, не переступи границу дозволенного — и все было бы хорошо. Поныне и во веки веков он пребывал бы в царствии божьем, наслаждался бы счастьем, всеми радостями жизни. Ну, а раз возгордился, полез, куда бог запретил, значит, поделом ему, нечестивцу. Пусть на себя и пеняет.

Не ясно ли, что такое оправдание бога, как говорится, курам на смех. Бог, который все знает, все предвидит, всем руководит в мире, не смог предотвратить такого пустяка, как злосчастное вкушение яблока от запретного дерева. Ну, а если это не такой уж пустяк, если это так уж важно, то неужели всемогущий бог не мог найти способ более вразумительно предупредить об этом, предостеречь свое возлюбленное чадо от столь ужасной опасности? Наконец, если такое уж случилось, «грехопадение» произошло (хотя богу ничего не стоило предотвратить его), какая была необходимость придавать ему сверхграндиозное значение? Ведь стоило богу проявить хоть каплю снисходительности — и он бы простил человеку (хотя бы на первый раз) проступок, не столь уж тяжелый и непоправимый. Так нет же! Допустив свершение проступка человеком, бог строжайше наказывает свое несчастное создание — лишает бессмертия, изгоняет из рая, проклинает не только самого, а и все его потомство, все последующие поколения человеческого рода. И это при неистощимых запасах благости своей, при своей безграничной доброте!

Кто может объяснить, что здесь благого? Как это согласуется с понятием добра? По нашему человеческому разумению, это вовсе не добро, а величайшее зло, особенно если учесть, что, как повествует Библия, бог сам же наделил человека при творении всеми слабостями, сам же расставил на его пути всякого рода соблазны, перед которыми он устоять заведомо не мог, сам подослал к нему дьявола, которого и сотворил для совращения человека с пути истинного. Короче говоря, сам же бог организовал пресловутое «грехопадение» и, пользуясь властью, взвалил всю вину за это на человека, с тем чтобы в довершение всего еще и наказать его самым неслыханным образом. И за что? За то, что тот пошел у него же на поводу.

Что, если бы подобным же образом поступил кто-нибудь из людей? Такого человека сочли бы за самого страшного злодея и заклеймили бы позором. Как же можно в таком случае следовать за богом, брать с него пример?!

Говорят, что для бога ничего нет непосильного, невозможного. Ну что ж! На то он и бог. Однако если это так и если правда, что бог безгранично добр, то почему он терпит зло, которого так много на земле? Если ему не стоило больших трудов, чтобы создать целый мир, то уж и вовсе ничего не стоило бы навести в этом мире элементарный порядок: одним актом своей воли сделать так, чтобы люди, о которых он, как уверяют, так много печется, никогда не знали, что такое болезнь, нужда, горе. Почему подавляющему большинству людей, трудящимся, в течение веков и тысячелетий так горестно жилось и живется до сих пор в большинстве стран мира? Почему в мире существуют землетрясения, наводнения, войны, неурожаи, голод, болезни, вредоносные животные и насекомые? Почему на протяжении человеческой истории зло и несправедливость торжествовали несравненно чаще, чем добро и справедливость?

Кто из тех, кто превозносит благость божью, может дать вразумительный ответ на все эти бесконечные «почему»? Никто! Если бы бог существовал, то ему не было бы оправданий. И уж, во всяком случае, непостижимо, как, на каком основании можно видеть в нем воплощение добра и справедливости.

А чего стоят те принципы и правила, на которых по воле бога построены его отношения с людьми?

Первое, чего бог требует от людей, — это веры в то, что он существует. Безверие — самое большое зло, непоправимый грех. Безбожники, атеисты, будь они самые хорошие люди, — первые преступники перед богом, на которых, независимо от их хороших дел и поступков,

должен обрушиться самый беспощадный удар божественного возмездия.

Но ведь если бог — воплощение справедливости, каким считает его церковь, то почему бы ему не посчитаться с тем, что люди не избирают по своему произволу свои убеждения? Это в равной степени относится как к верующим, так и к атеистам. Исходя из этого, атеист никогда не станет обвинять и, тем более, преследовать верующего за его убеждения. Вера в несуществующего бога не вина, а беда. Поэтому атеист своим долгом считает лишь помочь верующему выбраться из такой беды, развеять его заблуждения исключительно доводами разума, науки.

Почему же бог устами церкви вменяет атеистам в вину их неверие? Если даже допустить, что атеисты заблуждаются, разве справедливо наказывать их за это? Да еще так строго, как делала в свое время церковь (когда имела власть) и, тем более, как, согласно уверениям той же церкви, поступает с атеистами на том свете бог.

Атеисты не просто верят, а на основе фактов, данных науки убеждены, что бога нет. И от своего убеждения они не смогли бы отказаться, если бы даже захотели, ибо устои науки непоколебимы. Зачем же требовать от атеистов невозможного, да еще под угрозой столь беспощадной расправы на том свете?

Но что уж говорить об атеистах! По учению церкви, даже те, кто верует, должны строго следить за своими мыслями, ни в коем случае не допускать каких-либо сомнений относительно существования бога, гнать от себя всякую мысль, направленную против веры. Ну, а если сомнения одолевают? Если под влиянием жизни, повседневных фактов становится все более ясно, что религия — заблуждение, что тогда? Тогда, по уверению церкви, дело идет к тяжелой расплате.

Еще более недостойно всемилостивого бога его требование, чтобы его боялись. Земные служители божьи, идя навстречу пожеланиям и повелениям небесного владыки, все сделали для того, чтобы превратить его в страшнейшее пугало, способное навести ужас на всякого, кто верит в «бытие божье». Всемогущий бог, которому ничего не может угрожать, власть и могущество которого во веки веков никто не в состоянии поколебать, считает допустимым в течение целой вечности бессмысленно мучить слабые, беспомощные создания только за то, что они ему не угодили. Никто из людей, включая самых злых и безжалостных тиранов и палачей, пожалуй, не смог бы пойти на столь беспримерную жестокость.

При всем этом еще смеют говорить о любвеобилии божьем, о его сверхотеческой любви к человеку и требуют, чтобы человек в свою очередь более всего на свете любил бога. Но, во-первых, что могут обозначать слова «бог есть любовь», которые непрестанно твердит церковь, если бог так жесток и беспощаден к предмету своей любви — человеку, если он осудил человека на пожизненные страдания в земной жизни да еще грозит неописуемыми карами после смерти! Во-вторых, как можно искренне любить того, кого смертельно боишься? Видимо, бог не слишком щепетилен. Его устраивают чисто словесные заверения в любви, а подлинные чувства людей не так уж для него важны.

Впрочем, бог проявляет и снисходительность. Если лишний раз да поусерднее помолиться, то он может и помиловать. Более того, бог не считает большим грехом даже самое тяжелое преступление, если оно не направлено против самого бога. А преступления перед людьми легко замолимы. Нет прощения лишь тем, кто заденет честь самого бога. «Всякий грех и хула простятся человекам, — написано в Евангелии, — а хула на Духа не простится человекам» (Матф., 12 : 31).

Нельзя сказать, чтобы такая снисходительность украшала бога. Как раз наоборот: она свидетельствует о том, что бог выше всего ставит честь своего мундира и меньше всего заботится о достоинстве и чести людей.

Бог устами церкви на каждом шагу унижает достоинство человека и требует всяческого возвеличивания собственной персоны. Словно рабовладелец, он требует от человека рабской покорности, беспрекословного исполнения его воли. Угодничество, лесть, славословие — вот что более всего доставляет богу удовольствие. Ему нравится, чтобы его почитали, чтобы перед ним обнажали и склоняли головы, возносили хвалу, подчеркивали его величие. Всякого, кто позволит себе хоть каплю самоуважения, кто посмеет обнаружить хотя бы робкое чувство собственного достоинства, бог презирает и наказывает. Он признает только тех, кто, ползая на коленях, унижается, сознает свое полное ничтожество перед его величием.

Как бы мы посмотрели на человека, поведшего себя таким же образом? Разве нас не коробит самовозвеличивание, честолюбие, высокомерие? Разве нам не претит угодничество, подхалимство, заискивание? Разве маломальски уважающий себя человек может позволить, чтобы кто-либо ползал перед ним на коленях?

Непременной обязанностью человека, наложенной на него богом, является молитва. Бог готов «денно и нощно» выслушивать докучливые просьбы, обращенные к нему в молитвах, хотя нужды людей, как уверяет церковь, знает гораздо лучше, чем они сами. Ему нравится, чтобы его без конца упрашивали и благодарили. Вопреки своей тончайшей чуткости и отзывчивости, которые превозносит церковь, он крайне скуп на благодеяния, безответен и глух к мольбам алчущих, обиженных, угнетенных, равнодушен к людскому горю. Молитвы и прошения к богу еще никогда никому не помогли.

Таков бог, если судить о нем по свидетельствам самой же церкви. Поистине не бог создал человека по своему образу и подобию, а как раз наоборот: человек нарисовал в своем воображении бога по образу и подобию земных владык — монархов, царей, самодержцев, перенеся на него все их моральные качества и черты. Каков оригинал, таков и портрет. Моральный облик вымышленного бога — всего лишь копия морального облика тех, кто в течение веков и тысячелетий стоял над массами людей, унижая и оскорбляя их человеческое достоинство, попирая и втаптывая в грязь элементарные нормы человеческой морали.

Выходит, если и следует брать с бога пример, то разве только в том смысле, чтобы делать все наоборот. Это действительно образец, но образец наизнанку.

ПОД ВИДОМ ДОБРА

Когда читаешь Библию, то на каждой странице, в каждой строке видишь, что эта книга порождена таким обществом, которое основано на отношениях господства и подчинения. Ее авторы не знают, даже как бы и не подозревают, что может быть какое-либо другое общество, что могут быть другие отношения между людьми. Даже в мечтах о потустороннем мире остается нерушимой идея о том, что человек и там будет «рабом божьим», что и там его высшей радостью будет сознание близости к богу, честь находиться в царствии его, получать наслаждение от вознесения славы и хвалы богу за премудрые его дела. Даже в вечности человек всем своим существом должен быть отдан богу, жить не для себя и себе подобных, а для бога, вечно служить и угождать ему. Что же касается временной земной жизни, то здесь и подавно чело-

веку суждено со дня рождения до могилы нести бремя рабства, отдавать все свои физические и нравственные силы земным господам, терпеливо и безропотно переносить все удары судьбы, предписанной богом.

В законе божьем можно найти всякое. Среди его нравственных предписаний имеются не только явно корыстные, которыми всегда пользовались поработители трудящихся, а и безобидные и даже на первый взгляд благородные и справедливые. Мы уже отмечали, что закон божий не скупится на хорошие, привлекательные слова, что в нем говорится много о добре, справедливости, совести, осуждается убийство, воровство, вражда между людьми, то и дело слышатся призывы к братству, всеобщей любви, милосердию и т. д. Можно сказать даже так, что нет тех нравственных понятий, в том числе и самых возвышенных, которые так или иначе не содержались бы в нравственных поучениях закона божьего. Но все эти понятия как бы нарочито предназначены для приманки людей, у которых сердца открыты для добра и справедливости. Этим людям кажется, что именно в законе божьем они могут найти осуществление своих чаяний и надежд.

Главной, основополагающей идеей религиозного вероучения является учение, во-первых, о том, что мир создан богом и находится в вечном его подчинении, и, во-вторых, о том, что кроме земной жизни есть еще и небесная, притом земная всего лишь миг, тогда как небесная длится вечно. Без этой идеи нет религии. «Отцы церкви» многое изменяли в религиозном учении, вносили в него те или иные поправки, но основополагающую идею при всех условиях оставляли неизменной. Она является главным содержанием любого вероучения и в наше время.

Спрашивается: следуют ли из этой идеи заповеди о любви к ближнему, не кради, не убивай, не прелюбодей-

ствуй и другие? Нет, не следуют! Никакой связи между ядром религии, ее исходными позициями и этими заповедями не существует. Вера в бога сама по себе, а эти заповеди сами по себе.

Зато из религиозного вероучения с неизбежностью следуют другие правила и нормы поведения, весьма вредные для жизни трудящегося человека. Ведь если творцом и единовластным владыкой мира является бог, а человек лишь его творение и раб, если все в мире зависит от бога, а от человека ничего не зависит, то ничего в таком случае не остается, как уповать на бога, покориться судьбе, сидеть сложа руки и ждать милостей божьих. Именно такая идея пронизывает от начала до конца все содержание всех современных религий, составляя их сущность.

Далее, если земная жизнь всего лишь миг по сравнению с вечностью, которая якобы ждет нас после смерти, то она никак не заслуживает того, чтобы чего-то добиваться в ней, к чему-то стремиться. Ведь по религиозному вероучению каждый человек в этом мире всего лишь странник, временный гость. Прививая взгляд на земную жизнь как на сугубо временное пристанище человека, религиозное вероучение отбивает всякую охоту бороться за ее улучшение, заниматься какой-либо полезной деятельностью для жизни.

Наконец, если земная жизнь дана человеку лишь как испытание, как подготовка к жизни небесной, и коль чем больше горестей на земле, тем больше радостей на небе, то безумием было бы стремиться к земным благам. Скорее — наоборот. В таком случае следует преднамеренно обеднять жизнь, отказывать себе во всем, брать на себя все тяготы и невзгоды.

Таковы выводы, которые неизбежно следуют из религиозного вероучения. Тот, кто верует в бога и существование загробной жизни (а без этого, повторяем, нет со-

временной религии), от этих выводов уйти никуда не может. Они составляют главное содержание закона божьего, на котором, как на фундаменте, основаны все его заповеди и поучения о правилах жизни человека. О чем бы эти заповеди ни говорили, к чему бы ни призывали и в чем бы ни наставляли, они неизбежно подчинены одной главной заповеди — покорись, примирись, отдайся судьбе. Все должно остаться так, как есть, так угодно богу. А поскольку от имени бога говорят люди, притом в первую очередь эксплуататоры, то на них и надо положиться, их волю и нужно исполнять.

Нельзя не отметить, что в содержании закона божьего не могли не найти какое-то отражение и чаяния трудящихся, народных масс, их мечты о справедливом общественном строе, о братстве и равенстве между людьми. Однако эти чаяния и мечты были, во-первых, подавлены бесперспективностью в земной жизни, бессилием чего-либо добиться, что-либо изменить в существующем порядке вещей. Поэтому их осуществление и было перенесено в иной, загробный мир. Во-вторых, хотя все основные идеи, лежащие в основе закона божьего, возникли стихийно, независимо от людей вообще и от авторов закона божьего в частности, но формулировался этот закон со всеми содержащимися в нем правилами поведения не трудящимися и не людьми, которые выражали бы интересы народных масс, а идеологами господствующих эксплуататорских классов, каковыми являются и «отцы святой церкви». Поэтому чаяния и мечты трудящихся если и нашли свое отражение в законе божьем, то в искаженном виде, приспособленном к интересам эксплуататоров.

Закон божий, например, провозглашает братство и равенство между людьми. Казалось бы, это очень хорошо. Лозунг о братстве и равенстве всегда соответствовал чаяниям и устремлениям трудящихся, широчайших

народных масс. Но что означает этот призыв в устах проповедников религии? Означает ли он уничтожение эксплуатации, ликвидацию разделения людей на имущих и неимущих, богатых и бедных? Служит ли построению счастливой жизни на земле для всех?

Ничего подобного! Вместо борьбы за освобождение от эксплуатации закон божий всегда призывал и призывает трудящихся к примирению с ней. Вместо ненависти к своим поработителям он повелевает любить эксплуататоров как «братьев во Христе», несмотря на унижения и обиды с их стороны. Вместо построения счастливой жизни на земле он обещает им благополучие и счастье после смерти, в несуществующем загробном мире.

Что означает братство и равенство с точки зрения закона божьего, хорошо сказано в памфлетах А. М. Горького «Мои интервью». Один из американских королей стали, обращаясь к рабочим, говорил им: «Что значит равенство здесь, на земле? Стремитесь только сравняться друг с другом в чистоте души перед лицом бога вашего. Несите терпеливо крест ваш, и покорность облегчит вам эту ношу. С вами бог, дети мои, и больше ничего вам не нужно».

Вот о каком братстве и равенстве печется закон божий! Не ясно ли, что призывы к такого рода братству и равенству на руку не большинству людей, а лишь ничтожному меньшинству — эксплуататорам, поработителям трудящихся. Большинству рода человеческого — трудящимся — братство по закону божьему ничего не дает, кроме бесправия и социального гнета. Создатели всех благ на земле — трудящиеся массы — хотят братства не на словах, а на деле, не в вымышленном загробном мире, а в реальной жизни. Поэтому, осознав свое положение, они борются и не могут не бороться за право на человеческую жизнь, за право самим пользоваться

теми благами, которые созданы их же трудом. А для этого есть только один путь — покончить с общественным строем, который лишает их этого права и который всегда оправдывала церковь ссылками на закон божий.

И наконец, о заповедях «не убий», «не укради», «почитай отца своего и матерь свою» и т. п., на которые особенно любят ссылаться проповедники закона божьего.

Уже говорилось, что одна из важнейших особенностей закона божьего заключается в разрыве словесного выражения и подлинного смысла. Призванный защищать явно несправедливое дело эксплуататорских классов, закон божий построен на том, чтобы фальшивить, кривить душой, чтобы в самых возвышенных фразах проводить далеко не возвышенные идеи. Это, как мы видели, с наибольшей очевидностью проявляется в проповедях всеобщей любви и братства. Но это же имеет место и в других заповедях.

Есть правила, без которых немыслимо нормальное человеческое общежитие. Эти правила сами собой сложились вместе с возникновением общественной жизни и существуют как нечто само собой разумеющееся на протяжении истории рода человеческого. Что было бы с обществом, если бы люди в обыденной, повседневной жизни постоянно убивали друг друга, если бы нормой взаимоотношений было бы воровство, если бы не было нормальных, основанных на взаимной привязанности отношений между родителями и детьми и т. д.? В таких условиях общественная жизнь была бы невозможной. Поэтому закон божий, при всей извращенности проповедуемых им нравственных принципов, не мог не отразить определенных простейших правил, сложившихся задолго до него и независимо от него.

Так называемые «священные» книги преподносят в качестве божественного откровения то, чего властно требует сама жизнь, до чего люди дошли и не могли не дой-

ти собственным умом сразу же, как только стали людьми. Но даже в этом пункте своих нравоучений закон божий остается верным самому себе. Он поставил на самые обыденные, элементарные правила человеческого общежития клеймо идеологии эксплуататорских классов, приспосабливая эти правила к защите отношений господства и подчинения.

Все так называемые мировые религии — буддизм, христианство, ислам — сформировались частью на почве рабовладения, частью на почве раннего средневековья. А это, как известно, эпохи самого беспощадного гнета и эксплуатации, самого бесчеловечного отношения к трудящимся со стороны классов, стоявших у власти. Ведь раба можно было безнаказанно убить, и это даже не считалось убийством. Крепостного крестьянина можно было продать, лишить родителей или детей, за малейшую провинность перед сильными мира сего, в том числе перед церковью, заковать в цепи, бросить в темницу, колесовать, мучить голодом, распять и т. п.

Спрашивается: что могла означать в таких условиях заповедь «не убий»? Ничего, кроме строжайшего предупреждения угнетенных трудящихся о том, что если кто-либо из них поднимет руку на своего хозяина, тот будет беспощадно наказан.

А какая цена заповеди «не убий» в эпоху империализма? Ведь набожные заправилы капиталистического мира развязывают одну бойню за другой. Многие искренне заблуждающиеся верующие относят такие действия империалистов за счет их отхода от заповедей господних. Строго говоря, это не так. Если иметь в виду не букву, а дух заповеди «не убий», то есть если не забывать первородный смысл этой заповеди, а также истинную сущность закона божьего в целом, в котором содержится и эта заповедь, то поджигателей войны, организаторов массовых убийств, самых злостных убийц, каких только

знала история, трудно обвинить в нарушении заповеди «не убий». Заклейменные проклятиями народов, они легко оправдаются перед богом, а состоящая у них на службе церковь без труда докажет, что они поступают в полном соответствии с волей бога, а значит, и с подлинным смыслом его святых заповедей.

Столь же искаженным образом преломляется в Библии и нравственное осуждение такого антиобщественного явления, как воровство. Заповедь «не укради» для того и появилась на свет, чтобы охранять собственность рабовладельцев, а затем помещиков и капиталистов от посягательств на нее со стороны тех, кто полностью или частично лишен ее: рабов, а затем крепостных крестьян и пролетариев. С помощью этой заповеди религия именем бога запрещает всякие попытки трудящихся вернуть себе то, что им должно принадлежать по праву, — созданные их трудом материальные блага, но, по существу, украденные у них эксплуататорами.

Церковь произносит заповедь «не укради» и другие заповеди религии, как величайшее благодеяние, как высочайший дар всему человеческому роду. Между тем, что могла дать заповедь «не укради» эксплуатируемым трудящимся, то есть подавляющему большинству людей классового общества, у которых и воровать-то нечего, поскольку они начисто обворованы эксплуататорами. Евангельская заповедь «не укради» в наше время охраняет волчий закон капитализма, выраженный американской поговоркой: «Если ты украл булку, тебя посадят в тюрьму; если же ты украл железную дорогу, тебя сделают сенатором».

Далеко не так уж привлекательна и заповедь почитания родителей, если судить о ней по-библейски. Казалось бы, кто может возражать против требования о почитании родителей и что тут может быть аморального?

В соответствии с духом того времени, когда писалась

Библия, заповедь почитания родителей была не чем иным, как освящением полной власти главы семьи над своими детьми. Отец-патриарх мог делать с детьми все, что ему угодно, вплоть до принесения их в жертву богу. Библия полна описаний таких жертв, как обыденного явления. Вот и получается, что даже в такой, казалось бы, неподкупной заповеди не все так хорошо, как кажется на первый взгляд. Под видом почитания проповедуется беспрекословное повиновение, рабская покорность детей родителям. Не эта ли заповедь вдохновляет отдельных религиозных фанатиков даже в наше время на убийство собственных детей во искупление своих грехов, в угождение богу?

Так в преломлении закона божьего выглядят самые бесспорные правила поведения. Даже общепризнанные нормы морали, будучи вплетенными в содержание закона божьего, приобретают совершенно иной, нередко противоположный смысл и служат на практике не нравственным, а безнравственным целям.

Что касается таких понятий, как добро, справедливость, совесть, долг, честь, счастье и т. п., которыми широко пользуется закон божий, то о них нужно сказать следующее. Прежде всего, это основные понятия нравственности. Под углом зрения таких понятий оценивались во все времена и оцениваются сейчас поступки людей. Если поступки соответствуют этим понятиям, они одобряются и считаются нравственными; если же нет, то осуждаются и объявляются безнравственными. Добро, справедливость, честность и т. д. всегда и при всех условиях нравственны, тогда как зло, несправедливость, обман, нечестность всегда и при всех условиях безнравственны.

Естественно, что это накладывает на мораль, или нравственность, видимость неизменности, независимости от исторических условий, от интересов тех или иных

классов. В прежние времена (до возникновения марксистского взгляда на мораль) господствовало представление, что мораль есть нечто вечное, раз навсегда данное, неизменное. Идеологи эксплуататорских классов возвели такое представление в исходный принцип своих этических учений, создали на его основе свои теории морали. Между тем этот принцип не выдерживает испытаний, обнаруживает свою несостоятельность при первом же серьезном соприкосновении с жизнью.

Верно, конечно, что поступки людей всегда оценивались с помощью примерно одних и тех же понятий. Но это вовсе не значит, что при такой оценке люди во все времена пользовались и пользуются поныне одной и той же меркой. Все дело в том, что в разные эпохи в содержание самих этих понятий вкладывался далеко не одинаковый смысл. Энгельс писал, что «представления о добре и зле так менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому» («Анти-Дюринг». Госполитиздат, 1950, стр. 87). Так, например, в первобытном обществе, по-своему высоконравственном, вошла в жизнь практика избавления от людей, потерявших способность к труду (в том числе от стариков), путем их умерщвления. С наших сегодняшних позиций — это жестокость, вопиющая несправедливость. Но в первобытном обществе она была продиктована экономической необходимостью и для того времени вполне оправдана. В силу крайне низкого, примитивного способа производства каждый член первобытного общества мог при всей напряженности труда содержать только самого себя и в лучшем случае еще своих малолетних детей. Всякий нетрудоспособный ложился непосильным бременем на плечи первобытного коллектива, который всегда стоял перед выбором — или содержать стариков, но оставить на произвол судьбы, обречь на верную гибель детей, или отдать остатки сил на прокормление де-

тей, но... отказаться от заботы об утративших трудоспособность стариках. Выбор нелегкий, но неумолимый. Под напором жизни, элементарной целесообразности второе, как правило. предпочиталось первому — стариков убивали и даже поедали, и это не считалось безнравственным.

В последующие эпохи, внесшие в понятие нравственности свои правила и принципы, эта жестокая практика была отменена и, естественно, осуждена, как варварство.

Но еще более разительны различия в толковании нравственных понятий людьми одной и той же эпохи, но принадлежащими к разным классам. Например, борьбу за освобождение трудящихся от капиталистического ига считать добром или злом? На этот вопрос мы получим не только разные, но и прямо противоположные ответы от капиталиста и сознательного рабочего.

Или еще пример. Представителям правящих эксплуататорских классов всегда было свойственно кичиться своим тунеядством и свысока относиться к труду, как уделу «людей низшего сорта». И это вполне согласуется с тем смыслом, который вкладывают эксплуататоры в понятие справедливости. Но что же здесь справедливого, если рассматривать это понятие с точки зрения тех, кто своим трудом кормит и одевает весь мир?

Наконец, всякий скажет, что честен тот, кто говорит правду, а не тот, кто лжет. Но жизнь сложна, и правда бывает всякая. Нередко правда бесчестнее всякой неправды. Такой правды, например, добивались гитлеровские палачи от Зои Космодемьянской, выпытывая сведения о расположении советских партизан. Под самыми изощренными пытками Зоя этой правды не сказала. Кому из советских людей могла бы прийти в голову мысль осуждать ее за это? Или вспомним слова поэта Исаковского, сказанные в честь советских женщин, которые без жалоб на свою судьбу героически переносили суровые

испытания войны: «И мы хорошо понимали святую неправду твою...»

Значит, сами нравственные понятия, которыми пользуются люди, общественные классы при оценке тех или иных поступков, весьма условны. Всякий раз приходится разбираться, какой смысл вкладывается в содержание этих понятий, в какую историческую эпоху и с позиций какого класса оценивается то или иное событие. Ничего вечного в понятиях нравственности нет. Они так же изменчивы и подвижны, как изменчива и подвижна сама жизнь.

Однако из этого вовсе не следует, что в области морали все сплошь условно и нет ничего устойчивого, достаточно достоверного. Согласиться, что в морали все условно, — значит отрицать всякую закономерность в области морали, то есть отрицать вовсе мораль. При всем том, что в разные эпохи и разными классами в одну и ту же эпоху одни и те же события, общественные явления, поступки людей оцениваются сплошь и рядом совершенно по-разному, есть объективный критерий нравственности. Это — интересы подавляющего большинства всякого общества, и именно интересы трудящихся, широчайших народных масс. Только эти интересы даже в условиях классового общества, где они носят классовый характер, полностью совпадают с объективным ходом общественного развития. Выражение и осуществление этих интересов не тормозит движения общества вперед, а содействует ему, идет не в ущерб, а на благо общества.

Ясно, что принять такой критерий нравственной оценки может только тот класс, интересы которого не только не расходятся, а совпадают с интересами большинства. Это — рабочий класс во главе с Коммунистической партией, которая руководствуется марксистско-ленинским учением о нравственности.

Все, что соответствует интересам трудящихся и идег

на благо народа, справедливо, честно, добродетельно и, значит, нравственно. Все, что идет в ущерб народу, что приносит ему вред, несправедливо, дурно, нечестно и, значит, безнравственно.

Интересы и благо подавляющего большинства общества, а то и всего общества в целом (если речь идет о бесклассовом обществе) — вот единственно верный, единственно объективный критерий нравственности. Здесь нет места для произвола, для защиты и оправдания (под предлогом справедливости и добра) кого угодно и чего угодно. Здесь речь идет не об отвлеченных понятиях добра или зла, справедливости или несправедливости, а о том, что честно и справедливо с определенной, весьма конкретной точки зрения, именно с точки зрения интересов народа.

Возникает вопрос: этой ли меркой руководствуется закон божий? Разумеется, нет! Закон божий исходит из того, что все нравственные понятия раз и навсегда даны от бога и поэтому вечны, неизменны. А поскольку у кого власть, за того и бог, в законе божьем всегда вкладывался в эти понятия как раз тот смысл, который был угоден эксплуататорским классам. При ближайшем рассмотрении становится совершенно ясно, что в законе божьем одобряется (считается благим, справедливым, честным и т. д.) все то, что укрепляет эксплуататорский строй, содействует порабощению человека человеком, затрудняет борьбу трудящихся за свое освобождение, не помогает, а мешает им строить свободную от эксплуатации, счастливую жизнь на земле. Это видно из следующих заповедей христианской религии: «Рабы, повинуйтесь господам своим», «Кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую», «Кто захочет взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду», «Не противься злому» и др. В подобных повелениях и состоит главное содержание закона божьего в толковании христианской

церкви. Ничем, по существу, не отличается закон божий и в толковании любой другой из современных церквей.

Характерно, что при изложении своих взглядов на мораль идеологи буржуазии ссылаются на предписания свыше, на волю бога. В действительности же они руководствуются сугубо земными соображениями, которые диктуются классовыми интересами буржуазии. Но поскольку эти интересы являются корыстными, антинародными, то прямо и открыто изложить их нельзя. Прямо и открыто изложить их — значит признаться в том, что буржуазия является заклятым врагом рабочего класса, широких масс трудящихся, противопоставить ее подавляющему большинству общества. А это невыгодно и даже опасно для буржуазии. Поэтому буржуазные идеологи маскируют взгляды своих хозяев, выступают от имени всего человечества, свои понятия морали выдают за повеления свыше, прикрываются ссылками на бога.

Только коммунистическая мораль не нуждается в вымыслах и масках. Ей нечего скрывать от народа. Она подчинена интересам рабочего класса, трудящихся, широчайших народных масс. Для нее интересы и благо народа превыше всего. Все нормы коммунистической морали направлены к одной цели — к освобождению трудящихся от эксплуатации, к построению бесклассового коммунистического общества. Для столь высокой и благородной цели не требуется оправданий и ссылок на волю бога. Справедливость этой цели очевидна и ясна сама собой.

Коммунистический нравственный закон отвергает закон божий как ненужную, совершенно излишнюю ветошь. Проповедники буржуазной морали и вместе с ними профессиональные служители закона божьего рассматривают это как разрушение морали.

В действительности как раз наоборот: отвергая закон божий, коммунистический нравственный закон спасает

мораль от разрушения. Под сенью закона божьего выступала всегда мораль отживающих классов, то есть разлагающаяся, гнилая мораль, представляющая собой, в сущности, уже не мораль, а ее прямую противоположность — аморализм, безнравственность. Такой является в наше время мораль империалистической буржуазии, которая с помощью ссылок все на того же бога и его нравственный закон творит неслыханные злодеяния.

Именем бога слишком много пользовались в недобрых и даже преступных целях. Закон божий слишком долго был прикрытием произвола и беззакония. Поэтому сам факт ссылки на бога вызывает настороженность и подозрение. Во всяком случае, имя бога ровным счетом ничего не дает для морали, кроме маски для тех, кому нужно под благовидным предлогом совершать безнравственность. За века и тысячелетия верного служения классам эксплуататоров закон божий достиг совершенства лишь в одном: под его покровом легко и пакость совершить, и сохранить в глазах доверчивых людей репутацию чистоты и непорочности. Чего-чего, а этой мудрости от закона божьего не отнимешь.

Человек — сын земли, а не неба. Моральный облик человека формируется на базе его отношений с людьми, а не с богом. Всем своим духовным обликом, в том числе и своими нравственными качествами, человек обязан тому, что он живет в обществе. Будучи членом общества, он во всех отношениях, и в особенности в своих поступках, не может не считаться с окружающими его людьми, с обществом, в котором живет. Стоит понаблюдать за поведением даже искренне верующего человека, чтобы убедиться, что и он в обыденной, повседневной жизни отдает явное предпочтение людскому суду, а не божьему. Это особенно наглядно обнаруживается в тех случаях, когда он творит зло, или, выражаясь языком верующего, совершает грех. Ему свойственно огляды-

ваться, нет ли поблизости кого-либо из людей, и меньше всего считаться с тем, что бог-то все видит и что от него ничего не скроешь, хотя и твердо верит в это.

На эту сторону дела обратил внимание еще французский материалист XVIII века Поль Гольбах, который писал: «Самые религиозные люди часто оказывают больше уважения лакею, чем богу. Иной человек, твердо верящий, что бог все видит, все знает и всюду незримо присутствует, позволяет себе наедине такие поступки, на которые он никогда не решился бы в присутствии последнего из смертных».

Эти простые, но глубоко правдивые наблюдения свидетельствуют об очень многом. Практически даже наиболее твердо верящий в бога человек не очень-то стесняется бога, во всяком случае, несравненно меньше, чем окружающих людей. Он в гораздо большей степени дорожит о себе мнением своих ближних, чем мнением бога, невзирая на все предупреждения и внушения со стороны церкви о том, что «мнение и воля бога превыше всего».

Нравственность в подлинном смысле по самому своему существу безбожна. Даже верующий человек, если он честный, находит для добрых дел гораздо больше поводов в своих отношениях с людьми, чем в отношениях с невидимым богом. Практически нравственность держится на чувстве ответственности перед людьми, а не перед богом. В ссылках на бога нуждаются обычно те, кто хотел бы уйти от ответственности за свои поступки. Недаром для всякого рода самодержцев — царей, королей и других единовластных правителей — всегда было свойственно торжественно объявлять себя ответственными за свои действия только перед богом. Практически это означало, что, пользуясь властью, они присваивали себе право творить полный произвол, ни за что не отвечать, ибо отвечать только перед богом — значит ни перед кем не отвечать.

Чувство ответственности перед богом, рекламируемое церковью как ничем не заменимый источник нравственности, неизбежно ослабляет чувство ответственности перед людьми, перед обществом, перед народом, а поэтому не подкрепляет, а, по существу, подтачивает мораль. Это видно на примере тех же самодержцев, среди которых редко встречались люди, способные творить добро для общества в целом. Как правило, они были себялюбцами, не только далекими от народа, но и чуждыми ему, мнившие себя наместниками бога на земле и считавшими, что им все позволено. Чувство ответственности перед богом только помогало им совершать безответственные, антинародные поступки, вести, по существу, преступный образ жизни.

Словом, законодателем морали является не бог, а сама жизнь. Мораль возникла вместе с возникновением человеческого общества и является составной частью общественных отношений. Люди, связанные между собой в единый общественный организм, не могут не соблюдать определенные обязательства, обеспечивающие им право быть членами общества.

Еще не было никакой религии, не говоря уж об учении церкви о законе божьем, а мораль была, люди соблюдали определенные правила поведения, придерживались определенных нравственных установок. Закон божий если и принял участие в формировании нравственности, то только в том смысле, что помогал идеологам эксплуататорских классов навязывать обществу свое понимание морали, выдавать свои узкоклассовые, эгоистические принципы морали за общечеловеческие, якобы вечные и неизменные, раз и навсегда от бога данные.

Таким образом, закон божий — это нравственный закон эксплуататорского общества. От имени бога, как сказал В. И. Ленин, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интере-

сы. Под видом вечных, якобы от бога данных нравственных предписаний закон божий проповедует то, что выгодно не всем людям и даже не большинству, а лишь тем, кто хотел бы увековечить величайшее зло на земле — эксплуататорский строй, порабощение трудящихся, эксплуатацию. Вместе с гибелью классового эксплуататорского общества уходит со сцены и закон божий.

В КОРОБЕ ШЕЛУХИ

Особенность нашего времени в том, что совершается переход от капитализма к коммунизму. Строй эксплуатации и порабощения трудящихся, освященный законом божьим, отживает свой срок. В нашей стране победил социализм (первая фаза нового общества), полным ходом идет создание второй фазы — коммунизма. В ряде других стран крепнет социализм.

Такой оборот дела, разумеется, не был предусмотрен богом и его служителями. В законе божьем отмечено, что бог одних создал рабами, а других хозяевами. Согласно всему духу религиозного вероучения, так оно и должно быть до конца, до «скончания века». Коммунизм как учение с первых же дней своего зарождения был встречен проклятиями со стороны всех сил старого мира. И первое место в травле коммунизма принадлежит церкви, в частности главе католицизма — папе римскому. Да и другие церкви тоже не отставали.

Но, вопреки заклинаниям церкви, вопреки «нерушимым» предписаниям закона божьего, коммунизм развивается, завоевывает все новые и новые позиции. Из призрака, который, по выражению Маркса и Энгельса, бродил по Европе, он превратился в неодолимую силу современности и воплощается в жизнь на огромной территории

земного шара — от Берлина до Ханоя, от Балтийского и Черного до Желтого моря. Идеи коммунизма завоевывают сердца все большего числа людей во всем мире.

Идеологи современной буржуазии, словно средневековые «отцы церкви», продолжают твердить, что нравственность неотделима от религии, немыслима без веры в бога и что поэтому распространение безбожной коммунистической идеологии есть чуть ли не угроза нравственного опустошения человечества. Однако такие вопли звучат смехотворно. Ныне даже среди служителей религиозных культов — профессиональных защитников и проповедников религии — все громче и отчетливее высказывается признание нравственной силы коммунизма и даже предложения о союзе между коммунистической и религиозной моралью. В частности, служители русской православной церкви заявляют, что между учением Маркса и учением Христа нет существенной разницы и что коммунизм есть воплощение в жизнь всего того, о чем учил Христос.

С некоторых пор среди служителей культов и рядовых верующих, а иногда даже среди неверующих стало модой рассуждать примерно так. Конечно, закон божий в свое время использовался в недобрых целях. Эксплуататоры, пользуясь властью, ставили его на службу своим корыстным интересам. Идеологи этих классов нарочито искажали закон божий, истолковывали содержащиеся в нем правила нравственного поведения так, как им выгодно. Но теперь ведь в СССР и ряде других стран эксплуататорских классов давно уже нет. Закон божий, как и многое другое, вырван из их нечистых рук и не является более средством защиты и оправдания эгоистических классовых интересов. Те же заповеди «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй» и т. д., если их очистить от искажений классового эксплуататорского общества, разве не могут быть поставлены на службу укреп-

ления нравственности? Или разве заповеди всеобщей любви и братства в очищенном от наслоений эксплуататорского общества виде чем-нибудь отличаются от провозглашенных в Программе КПСС принципов мира, равенства и братства между народами? Коммунистическая мораль ставит своей целью благополучие и счастье человека. Но разве закон божий в своих наставлениях на путь истинный озабочен не тем же самым? Разве он не пропитан заботами о человеческой судьбе? Коммунистическая мораль учит, что счастливое будущее не дается даром, что ради него нужно уметь стойко перенести испытания, не бояться трудностей и, если нужно, идти на лишения и жертвы. А разве поучения закона божьего о терпении, стойкости в страданиях не содействуют воспитанию таких же моральных качеств человека?

Словом, если снять с закона божьего все то, чем наделило его классовое эксплуататорское общество, он будет (согласно этим рассуждениям) вполне приемлем для нашего времени, может быть хорошим дополнением к нравственному закону коммунистического общества и даже слиться с ним. Во всяком случае, говорить о противоположности и несовместимости нравственных принципов коммунистической морали с целым рядом поучений закона божьего нет-де никаких оснований.

В этих рассуждениях бросается в глаза одна очень характерная особенность. Они от начала и до конца построены на том, чтобы хвататься за ту или иную букву закона божьего и не учитывать главного — его духа. А ведь еще Энгельс писал, что «если немногие места из библии и могут быть истолкованы в пользу коммунизма, то весь дух ее учения, однако, совершенно враждебен ему, как и всякому разумному начинанию». (*Маркс и Энгельс.* Соч., т. I, стр. 532).

С закона божьего нельзя снять наслоений классового эксплуататорского общества. В этих наслоениях весь

дух закона божьего, весь его смысл, главное его содержание. Вне этих наслоений нет закона божьего. Что же касается заповедей закона божьего, по своему словесному выражению совпадающих с общепринятыми нормами морали, то вне основного содержания (то есть вне того, что именуется в данном случае наслоениями классового эксплуататорского общества) они уже не заповеди закона божьего, а обычные правила поведения. Эти правила существуют с тех пор, как появилось человечество, и закон божий здесь ни при чем.

Короче говоря, все то, что предлагают позаимствовать из закона божьего, не принадлежит закону божьему. Простые, элементарные нормы нравственности являются общечеловеческим достоянием, которое церковь, пользуясь в свое время властью, преподнесла в качестве заповедей господних, соответственно извратив их смысл.

Наш моральный кодекс не только не обходит и, тем более, не игнорирует общечеловеческие нормы, а опирается на них, как на фундамент, на котором только и может формироваться и развиваться истинно общечеловеческая мораль коммунистического общества, созидаемого в Советском Союзе. Включая эти нормы органической составной частью в свои нравственные принципы, наш моральный кодекс заимствует их не из закона божьего, не из вторых рук, а из первоисточника, из самой жизни, из тех реальных взаимоотношений, которые веками складывались между людьми. Притом наш моральный кодекс очищает их от всех извращений классового эксплуататорского общества, в том числе от извращений закона божьего.

В одном из писем, присланных в редакцию журнала «Наука и религия», содержалась весьма характерная рекомендация: выбросить из религиозной морали все устаревшее, для нас непригодное, но сохранить и включить в моральный кодекс строителя коммунизма ее здо-

ровое, положительное зерно. В письме, в частности, говорится: «В религии не все плохо... В ней немало хорошего... Она учит любить ближнего, не убивать и не воровать. Пусть верующие исполняют это, и будет очень хорошо. Какая разница, возьмут они этот совет от церкви или от коммунистов-безбожников — не все ли равно, лишь бы выполняли...»

В том-то и дело, что не все равно.

Прежде всего о «здоровом, положительном» зерне в религии.

Пользуясь в течение веков и тысячелетий господствующим положением в обществе, церковь приписала, объявила достоянием религии сложившиеся в народе вековые традиции, вошедшие в народный быт обряды и обычаи, в том числе и вполне здоровые, так или иначе украшающие жизнь человека. Так же обстоит дело и с некоторыми элементарными правилами поведения, о которых шла речь выше, не имеющими к закону божьему, по сути дела, никакого отношения. Церковь провозгласила от имени бога в данном случае то, что одинаково приемлемо и бесспорно и для верующего и для атеиста и что само собой подразумевается в кодексе морали любого общества.

Моральный кодекс строителя коммунизма, как уже говорилось, несовместим с нравственными пороками, в том числе и с теми, которые в отвлеченной форме осуждаются некоторыми заповедями религии. Включая в свои нравственные принципы основные общечеловеческие моральные нормы, выработанные народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками, моральный кодекс очищает их от искажений, внесенных эксплуататорскими классами, проповедовавших свою узкоклассовую, эгоистическую мораль в форме религиозных заповедей. Зачем же нам вылущивать из религиозной шелухи в качестве некоего

здорового зерна то, что является в законе божьем, по сути дела, чужеродным телом? Ведь это тело так искажено религией в угоду тем классам, которым она долго и верно служила, что в нем уже нет ничего здорового.

Так называемое «здоровое, положительное зерно» в законе божьем лежит не где-то рядом с его основным содержанием, а входит органической составной частью в это содержание и отделить его от религиозного содержания никак нельзя. Сохранить, допустим, заповедь «не убий» как заповедь закона божьего, означает сохранить и ее библейский, религиозно-церковный смысл, в частности, сохранить то, что говорится, например, в расшифровке катехизиса (книги, излагающей основы православной веры): «Не есть преступление убивать на войне за царя», или: «Не есть преступление казнить преступников» (разумеется, в первую очередь тех, кто смеет поднять руку на царя и самодержавный строй). В таком виде «не убий» для нас явно не подходит. Но ведь именно в этом смысл призыва «не убий» как заповеди господней. Для устранения подобного смысла из заповедей господних есть только один способ — отбросить сами заповеди.

А что касается тех элементарных правил поведения, которыми (прямо скажем) спекулирует закон божий, то они, как уже говорилось, сами собой разумеются для всякого мало-мальски нравственно воспитанного человека в любом обществе. Если же кто-то их нарушает, то не потому, что не знает, что этого делать нельзя. Для людей такого сорта существует не столько моральный, сколько уголовный кодекс, ибо к бандиту, насильнику, грабителю и т. п. бессмысленно обращаться с увещеваниями «не убивай» или «не кради», независимо от того, верующий он или безбожник. Здесь моральный кодекс отступает на задний план, уступая место уголовному.

Кстати говоря, закон божий скорее можно сравнить

не с моральным, а с уголовным кодексом. Ведь особенность моральных норм в отличие от правовых (в том числе уголовных) состоит в том, что они соблюдаются не по приказу и не под угрозой наказания, а в силу внутреннего побуждения человека. Нравственно воспитанный человек не допустит безнравственного поступка и, тем более, преступления, если даже заведомо известно, что ничего за это ему не будет. Действия такого человека регулируются не боязнью, а голосом его совести, чувством моральной ответственности за свои поступки. Закон же божий то и дело грозит наказанием. Не убий, не кради и т. п. не столько потому, что это нечестно и что это наносит ущерб окружающим тебя людям, сколько потому, что если ты будешь допускать это, то бог накажет: вместо рая угодишь в ад. Проповедуемые и воспитываемые законом божьим мотивы поведения пронизаны корыстью. Он приучает своих подопечных поступать так, а не иначе не по велению совести, а во избежание божьего наказания или в погоне за благодатью божьей. Но корысть — плохая основа для нравственности.

Наконец, следует сказать о самом главном, из-за чего нравственные предписания закона божьего неприемлемы для нас.

О чем бы ни говорили и к чему бы ни призывали заповеди закона божьего, они не могут иметь ничего общего с истинной моралью и, само собой разумеется, с моральным кодексом строителя коммунизма уже потому, что преподносятся от имени бога. Во-первых, бог — это олицетворение власти, господство над человеком порабощающих его сил. Это свойственно лишь классовому эксплуататорскому обществу, построенному на отношениях господства и подчинения, его морали, что нашло свое прямое выражение в нравственных принципах закона божьего. А где присутствует имя бога, там нет места свободе человека, сознанию им своей силы. Имя че-

ловека рядом с именем бога — символ немощи, бессилия, безволия, страха. Там есть только чувство рабской покорности и непротивления, то есть те духовные качества, которые органически чужды духовному облику советского человека — победителя над силами социального зла, строителя коммунистического общества, борца за новый мир, без эксплуатации и порабощения человека человеком. Нравственные принципы строителя коммунистического общества не могут уживаться с какими бы то ни было заповедями, ниспосланными якобы от бога.

Воспринять, позаимствовать у закона божьего что-то из его заповедей (пусть даже в некоем очищенном виде) — значит вольно или невольно взять на себя ответственность за заведомо ложную идею существования бога, в которой вся суть религиозного вероучения вообще и заповедей закона божьего в частности. Но что же это за нравственность, если она строится на извращении истины, или, говоря грубее, на обмане! Религиозная нравственность органически чужда духу и букве коммунистической нравственности. Естественно, что коммунистическая нравственность категорически отвергает заповеди закона божьего даже и в некоем очищенном виде.

Провозглашать что бы то ни было (пусть самое бесспорное и безобидное) от имени бога — значит принять за истину все религиозное учение: веру в промысел божий, в загробную жизнь, в чудеса и все прочее. Здоровое зерно весьма сомнительно, а шелухи — полный короб. Кому и зачем это нужно? Только тому, кто хотел бы «не мытьем, так катаньем» протащить закон божий в наше коммунистическое завтра, во что бы то ни стало продлить существование религиозных предрассудков и суеверий.

Рассуждая по вопросу о соотношении закона божьего и морального кодекса строителя коммунизма, нельзя сопоставлять отдельные заповеди, принципы, вырванные из общего содержания религиозного учения, как это ино-

гда делают. Это ведет к заблуждению, к ошибке. Не следует забывать, что мир, братство, любовь в законе божьем — это одно, а в содержании нашей коммунистической морали — совсем другое, несмотря на словесные совпадения. Одно с другим несовместимо, кроме всего прочего, уже потому, что осуществление всех благих порывов закон божий переносит в несуществующий загробный мир, тогда как коммунистическая мораль заботится о благе человека на земле, то есть в реальном мире.

Коммунистическая мораль и закон божий говорят о необходимости стойкого перенесения встречающихся на жизненном пути невзгод ради счастливого будущего. На первый взгляд может показаться, что речь идет об одном и том же и что установки с одной и с другой стороны полностью совпадают. В действительности же они не только не совпадают, а прямо противоположны. Коммунистическая мораль имеет в виду преодоление трудностей, тогда как закон божий — примирение с ними. Преодоление трудностей ведет вперед. Оно является условием достижения успеха, победы в борьбе за преобразование жизни в интересах человека. А примирение с трудностями — это нечто прямо противоположное, ведущее назад, обрекающее на поражение, на закрепление и усиление трудностей, на пожизненное прозябание. Это, впрочем, соответствует основной установке закона божьего о необходимости страданий на земле.

Прямо противоположное отношение к трудностям со стороны нравственного закона строителей коммунизма и закона божьего определяется их совершенно разной, прямо противоположной природой, теми причинами, которые вызвали к жизни, породили тот и другой закон.

Закон божий — плод поражений человека в борьбе за жизнь, за человеческие условия существования. Это отказ от борьбы, капитуляция, отдача себя на милость судьбе. Капитулянтская, примирительная природа зако-

на божьего особенно явственно сказывается в отношении к социальному гнету, к рабству. Он всем содержанием своих нравственных установок, заповедей, поучений побуждает не только мириться с социальным гнетом и рабством, но и оправдывать, даже восхвалять их как чуть ли не благодеяние, как средство обрести царство божье после смерти. Ясно, что по самой своей природе это рабская идеология. В ней все надежды на лучшее будущее связаны исключительно с надеждами на милость божью, так как, согласно религиозной идеологии, от человека решительно ничего не зависит, все зависит от бога, и только от бога. Идеей слабости, немощи человека, отражающей причины, которые породили закон божий, пропитано все его содержание, каждая буква его нравственных предписаний.

Коммунистический нравственный закон, как и марксистско-ленинская идеология в целом, представляет собой как раз наоборот — отражение побед человека в лице рабочего класса, трудящихся масс в борьбе с социальным гнетом. Если в законе божьем, как в фокусе, сосредоточивались настроения неверия в собственные силы, разочарование и отчаяние, то в нравственных принципах коммунистической морали воплотились настроения веры человека в собственные силы, решимость все преодолеть на пути к цели, бодрость и оптимизм. Само возникновение коммунистического нравственного закона обусловлено назревшей в реальной жизни необходимостью и возможностью уничтожения общественного строя, основанного на порабощении большинства меньшинством, и установления общества без классов. Важнейшей чертой коммунистической морали, в противоположность заповедям закона божьего, является ненависть к рабству и бесправию трудящихся, а не примирение с ними и, тем более, не оправдание их, как это свойственно закону божьему.

В нашей стране, где построен социализм и осуществляется переход к коммунизму, давно покончено с социальным гнетом и бесправием. Но закон божий как прежде, так и сейчас — это идеология застоя, преклонения перед всем старым, дедовским, якобы от бога данным. Религиозная идеология всегда отличалась косностью и крайним консерватизмом. Эти отличительные черты ее особенно явственны сейчас, когда все в нашей жизни так стремительно движется вперед. Советские люди коренным образом преобразили жизнь, достигли невиданных высот науки, техники и культуры, создали электронные машины, покоряют космос, произвели первую разведку на Луну и Венеру, проникли далеко за пределы библейского неба. А закон божий по-прежнему продолжает выдавать за верх мудрости до предела обветшавшие представления нашего далекого предка, от которых тот (проснись он сегодня) сам бы, вероятно, наотрез отказался, узнав, что делается на свете. В силу самой своей сущности закон божий благоволит и цепляется ко всему тому в нашей жизни, что советские люди еще не успели преодолеть. Идеями закона божьего пропитаны и освящены все пережитки старого мира, с которыми в ходе строительства коммунизма нам приходится вести повседневную борьбу.

Чтобы отмыть заповеди закона божьего от следов, родимых пятен старого, эксплуататорского общества и сделать пригодными для бесклассового, коммунистического общества, нужно отбросить идею бога, составляющую сущность закона божьего, пронизывающую от начала до конца все его заповеди и наставления. Но это и значит отбросить закон божий целиком, как нечто совершенно непригодное, органически чуждое нравственным принципам коммунистического общества, возвышенным и благородным не только на словах, а и на деле.

ЗАКОН БОЖИЙ ПЕРЕД СУДОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ

В жизнь и быт социалистического общества все более входит отношение к человеку, выраженное в замечательных словах: «Человек — это звучит гордо». В Программе Коммунистической партии нашей страны сказано: «Все во имя человека, для блага человека». Именно таким отношением к человеку пронизана вся коммунистическая идеология и все нормы коммунистической нравственности.

Как это не похоже на все то, что говорится в законе божьем! Все для бога и только для бога — вот чем пропитана каждая заповедь закона божьего. Насколько велик, могуществен, чист и непорочен вымышленный бог, настолько же, согласно всему духу закона божьего, ничтожен и безобразен в своем падении и греховности человек. Без бога, как учит церковь, человек если что и может, то только грешить, безобразничать, творить зло. На добро же без искры божьей, без божьего вдохновения он не способен. Поэтому любви и всяческого преклонения достоин только бог. Человек же достоин лишь презрения. Заповеди, провозглашающие любовь к ближнему, ничего, по существу, не меняют, ибо если и есть в человеке что-то достойное любви, то это, согласно церковному учению, не человеческое, а божеское в нем. Призывая любить ближнего, закон божий призывает любить не человека, а опять-таки господа бога, воплотившего в человеке образ свой, вдохнувшего в него частицу своей сущности в виде души.

Не было и нет другого учения, которое так унижало бы человека, как закон божий!

Поэтому нет ничего более естественного, что подлинно человеческая мораль противостоит закону божьему как своей противоположности. Все, что было ценного в

нравственном развитии человечества, не имело с законом божьим ничего общего. Передовые мыслители прошлых веков создавали свои этические учения в борьбе с религией и церковью, со всей той нравственной шелухой, которая провозглашалась от имени бога поработителями народа.

Высшим достижением всего лучшего, что было и есть в нравственной жизни человечества, является моральный кодекс строителя коммунизма. В нем нашли свое воплощение мечты лучших людей всех времен об истинно человеческих взаимоотношениях между людьми. В него вошли составной частью общечеловеческие нормы морали, выработанные трудящимися массами в борьбе с нравственными пороками, со всем тем социальным злом, которое всегда оправдывал и защищал закон божий. Поэтому даже смешно заниматься поисками в законе божьем чего-то здорового, положительного, пригодного для воспитания нового человека — строителя и члена будущего коммунистического общества.

Выше уже отмечалось, что истинно человеческая нравственность (в особенности нравственность коммунистическая) ничего общего не имеет и не может иметь с заповедями закона божьего. Это видно уже из того, что словесное выражение закона божьего — это одно, а сущность, подлинное значение и смысл его заповедей — это сплошь и рядом нечто совсем другое. Теперь обратим внимание на эту же сторону дела с несколько другой стороны. Сопоставим нравственные поучения закона божьего с соответствующими нравственными принципами морального кодекса строителя коммунизма.

До недавнего времени служителям церкви было свойственно заявлять: у верующих есть закон божий, в котором содержатся определенные правила поведения. Где же подобные правила у неверующих, в частности у коммунистов? Служители церкви отвечали: «У них нет таких

правил, нет такого произведения, где были бы собраны эти правила, а значит, нет и никакого нравственного закона». Вот один из доводов в пользу версии о том, будто коммунисты, как и вообще все неверующие, не имеют морали и проповедуют безнравственность.

Нужно ли говорить, что такой довод — сущий вздор! Правила нравственного поведения — это прежде всего неписаные законы. Они существуют независимо от каких бы то ни было произведений, записаны в книге самой жизни. Так называемые «священные писания», созданные якобы по вдохновению божьему, записали лишь то, что уже сложилось, что уже существовало в жизни, но записали под своим углом зрения, ставя их на службу эксплуататоров в целях порабощения трудящихся.

Из книги жизни исходит и коммунистическая мораль. Это прежде всего неписаные законы нравственного поведения рабочего класса, трудящихся масс и всех тех, кто становится на их сторону, понимая, что на их стороне правда, что та цель, за осуществление которой они борются, справедлива и, следовательно, нравственна.

Однако неписаные законы коммунистической морали нашли и свое письменное оформление. В Программе КПСС, принятой на XXII партийном съезде, четко и ясно сформулированы основные нормы коммунистической морали в виде нравственных принципов строителя коммунизма. Вот они:

преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма;

добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест;

забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния;

высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов;

коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного;

гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку — друг, товарищ и брат;

честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни;

взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей;

непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству;

дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни;

непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов;

братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами.

Это не предписания откуда-то свыше, а нормы поведения, частью уже сложившиеся, частью еще формирующиеся в нашем обществе. Выражаясь языком закона божьего, можно сказать, что это и есть заповеди, только заповеди не для искателя вымышленного царствия небесного, а для строителя нового общества, борца за реальное земное счастье, за райскую жизнь на земле. И продиктованы они не богом, а собственным сердцем каждого сознательного советского человека, для которого борьба за построение коммунизма является его собственным, родным делом. В этих заповедях нет ничего, что было бы навязано советскому человеку извне, что было бы для него чужим и шло бы в ущерб ему.

Возьмем, к примеру, такую норму морали, как преданность коммунизму. Советский человек, построивший социализм, и каждый сознательный представитель рабочего класса в капиталистическом обществе предан коммунизму не по указанию откуда-то свыше, не потому, что кто-то навязывает им эту преданность, а потому, что

коммунизм — это общество, полностью отвечающее кровным интересам трудящихся, соответствует их понятию справедливости, является воплощением в жизнь их чаяний и устремлений. Это не то, что в законе божьем: хочешь не хочешь, а люби врага своего; хочешь не хочешь, а страдай, умертвляй свою плоть; хочешь не хочешь, а повинуйся господину, насильнику, эксплуататору, иначе тебя будет ждать в свои объятия дьявольская преисподняя.

Итак, первой заповедью строителя коммунизма является преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма. Что общего между этой заповедью и соответствующими поучениями закона божьего? Разумеется, ничего! Более того, закон божий противостоит ей как противоположность. Ведь преданность делу коммунизма, всему тому, что делается в СССР и других социалистических странах ради победы коммунистического общества, обусловлена тем, что коммунизм — это общество материального и духовного изобилия, общество, где каждый трудится по способностям, а получает по потребностям. Короче говоря, это беспредельно радостная, счастливая жизнь на земле, заветная мечта людей труда, всего прогрессивного человечества.

Спрашивается: как это вяжется с основными идеями закона божьего? Никак! Какой бы радостной и прекрасной ни была жизнь при коммунизме, это все же земная, то есть сугубо временная жизнь, земное счастье, которое, согласно закону божьему, не может идти ни в какое сравнение с небесным счастьем. По учению церкви, это тлен и суета, только сбивающая с «пути истинного». Ведь царствие небесное дается не даром, а покупается ценой лишений, страданий, всяческих мук земных. Сама идея земного блага, земных радостей и счастья органически чужда всему духу закона божьего. Кто хо-

чет иметь блаженство на небе, должен избегать земных радостей и счастья, рассматривать их как приманки дьявола, как соблазн для вовлечения в преисподнюю. Разве такая идея (а это одна из центральных идей закона божьего) может содействовать преданности коммунизму, любви к социалистической Родине, к странам социализма? Она может только гасить эту любовь, подтачивать естественные для советского человека чувства социалистического патриотизма и интернационализма, глушить интерес к судьбам коммунизма в нашей стране и вообще в мире.

Нельзя забывать, что справедливость в жизни общества не торжествует сама собой. Счастливая жизнь достигается в борьбе и труде. Коммунизм нужно построить, завоевать. На пути к коммунизму немало преград, которые надо преодолеть. Это под силу только тем, кто, во-первых, верит в свои силы, а во-вторых, знает, за что борется и что цель заслуживает того, чтобы не пожалеть для нее никаких усилий. Коммунизм — дело сильных, волевых и глубокоидейных, сознательных людей.

Что может дать в этом отношении закон божий? Лишь обрезать человеку крылья, сковать его силы, ослабить активность, лишить его способности преодолевать препятствия на пути к цели. Пусть служители церкви даже не призывают верующих сторониться наших повседневных дел в борьбе за коммунизм. Бывают случаи даже обратного порядка, когда они проявляют благосклонное отношение к таким делам. Но против этих дел сама идеология закона божьего, сама вера в бога и в небесную награду за страдания на земле. Вот ведь чего не всегда понимают те, кто говорит, что сейчас, когда в нашей стране нет эксплуататорских классов, закон божий можно направить чуть ли не на полезные для нас дела.

А что для закона божьего Родина? Закон божий учит,

что родины нет ни у кого на земле, она на небе; каждый из нас всего лишь странник, временный гость на земле. Согласно всему духу закона божьего земная жизнь, как уже говорилось, «юдоль скорби и печали», «страна изгнания», место очищения от грехов путем страданий. Такая жизнь заслуживает не любви, а проклятия. На какие же патриотические дела может вдохновить такое учение? Что оно может дать для социалистического патриотизма? Ровным счетом ничего!

Защитники закона божьего скажут, что в истории немало фактов, когда верующие с молитвой, с упованием на бога шли на защиту родной страны от напавшего врага. Да, такие факты были. Но в них нужно очень строго разобраться.

Чувство Родины — естественное чувство. Оно свойственно всякому человеку, не зараженному корыстью и эгоизмом, будь он верующий или безбожник. Это чувство использует и церковь. Иначе она не могла бы пользоваться никаким уважением со стороны массы верующих. Но чаще всего патриотическое чувство церковь использовала в ложнопатриотических целях. Достаточно вспомнить церковный девиз «за веру, царя и отечество», под которым гнали массы людей на империалистические, захватнические войны.

Скажут: а роль церкви в годы Великой Отечественной войны? Да, многие служители церкви, в особенности руководство русской православной церкви, заняли вполне патриотическую позицию, призывали верующих на отпор фашистам. Но во-первых, этого нельзя сказать о церкви в целом. Значительная часть служителей церкви, в том числе и русской православной, изменили Родине, оказались на стороне врага. Так было на Украине, в Белоруссии, в Прибалтийских республиках, почти на всей территории, оккупированной немецко-фашистскими войсками. Во-вторых, верующие совершали патриотические

дела, шли в бой не по зову своих религиозных чувств, а по зову сердца советского человека, которому дорога Родина. Если бы в тот ответственный для Родины час верующий руководствовался только своими религиозными чувствами, только тем, чему учит закон божий, вряд ли был бы возможен героизм, который проявил советский народ. Религиозное чувство — это лишь внешняя оболочка в поведении верующего. А подлинной движущей силой на фронте и в тылу было сознание ответственности за судьбу Родины. Но ведь такое сознание не согласуется со всем тем, к чему зовет закон божий, его нравственные поучения.

Важнейшим показателем нравственного облика человека с позиций коммунистической морали является отношение человека к труду на общее дело. Коммунизм превращает труд из проклятья, каким он является при капитализме и был во все прежние периоды в истории, в дело чести и славы, из тяжелой, изнурительной обязанности — в первую жизненную потребность всякого здорового организма. Коммунизм и труд неотделимы. Кто больше и лучше других трудится — тому в первую очередь почет и уважение.

Что же по этому поводу можно услышать из уст проповедников закона божьего? Справедливости ради следует отметить, что с церковного амвона сейчас скорее можно услышать советы честно трудиться, чем напоминания о том, что труд — проклятье за грехи. Другие времена — другие песни и даже другие молитвы. У советского человека даже в том случае, если он остается пока еще верующим, такие речи церковников о труде вряд ли встретят понимание. Служители религиозных культов не могут не учитывать этого, не считаться с настроениями верующих.

Однако вера есть вера. Хотя церковь и говорит, что вера без дел мертва, но дела делам рознь. Если руко-

водствоваться законом божьим, то самым первым делом человека является молитва. «Трудиться — значит молиться», — говорят проповедники секты евангельских христиан-баптистов. И это полностью соответствует сущности, духу закона божьего.

Но главное, пожалуй, даже не в этом. Труд ведь предназначен для того, чтобы создавать материальные и духовные блага, умножать общественное богатство, в конечном счете — улучшать и украшать жизнь. А зачем это нужно, если общественное богатство предназначено не для вечности, а для мимолетного пребывания на земле, тем паче, что забота о земных благах, согласно закону божьему, не увеличивает, а уменьшает шансы на царствие небесное? Это земные ценности создаются трудом, а небесные, как следует из церковного учения, имеются в изобилии в готовом виде. Небесные ценности, как учит церковь, нужно только заслужить, притом не трудом, а угождением богу, главным образом молитвами.

Не вычеркнута из закона божьего и церковная версия о том, что труд — наказание, что по первоначальному замыслу божьему человек не должен был трудиться. Лишь затем, когда наши прародители согрешили, появился труд, добывание хлеба насущного в поте лица. И это написано не где-нибудь, а в Библии, притом на первых ее страницах.

Верующие, как правило, плохо знают Библию, но эту версию знают все. Правда, они мало считаются с такой оценкой труда, чаще всего практически и вовсе не считаются, честно и самоотверженно трудятся на общее благо. Но они поступают таким образом не благодаря, а вопреки своей вере, не в исполнение повелений закона божьего, а в их нарушение. Иначе они должны были бы стать тунеядцами, соответственно библейской мудрости: «Взгляните на птиц небесных, они

не сеют, не жнут, не собирают в житницы, а отец небесный питает их».

Недалеко ушли от библейских догм изречения современных идеологов закона божьего. Ныне покойный митрополит Николай писал: «Земледелец трудится над своей землей и в награду за труды получает хороший урожай. Трудится человек, изучая науки, и наградой для него служит успешное окончание курса этих наук. Награждаемся мы и в другом смысле: орденами, медалями, премиями и прочими знаками внимания к нашему труду. Это все земные награды. Мы все их оставим здесь, на земле, когда придет время каждому из нас уйти с этой земли».

Здесь в каждом слове мысль о бренности и ничтожности всех наших земных дел, полное презрение к труду, как чему-то суетному, в сущности, совершенно ненужному.

Легко понять, на что были бы способны верующие, если бы руководствовались в повседневной жизни советами своих церковных наставников. Вдохновенный творческий труд на благо человека и поучения закона божьего, вся религиозная идеология несовместимы. Верующий всегда стоит перед выбором: или добросовестно исполнять свой долг перед людьми, с которыми он живет, перед своим коллективом, перед всем советским обществом, то есть честно трудиться, вместе с народом строить новую, счастливую жизнь, или... жить по вере, по закону божьему, то есть пренебречь всем земным, может быть, и трудиться, но лишь ради насущного куска хлеба, а все остальные силы, помыслы и время отдать молитве.

Большинство верующих, будучи честными советскими людьми, вопреки своим религиозным взглядам выбирают первое. Разумеется, что им приходится в таком случае отступать от закона божьего, преодолевать

определенные преграды, которые ставит перед ними вера. Те же люди, у которых за душой нет ничего, кроме религиозных чувств, пассивны в труде, стоят в стороне от всех наших кипучих, творческих дел, ведут жалкий, отщепенческий образ жизни. Есть факты, когда под прикрытием закона божьего совершаются далеко не божеские дела. Кое-кто угрозами кар господних побуждает верующих уходить с советских предприятий, из колхозов и совхозов, то есть не заниматься честным трудом и жить на какие угодно (только не на трудовые) доходы, целиком посвятив себя богу, и таким образом быть совершенно бесполезными для людей, для общества.

Отсюда со всей очевидностью следует несовместимость закона божьего с такими нравственными качествами человека, как забота о сохранении и умножении общественного достояния, высокое сознание общественного долга, коллективизм и товарищеская взаимопомощь.

Основой основ коммунистического общества как на первой, так и на второй фазе его развития является общественная собственность на средства производства — фабрики, заводы, землю, земные недра и т. д. Лишь на такой основе возможно здание коммунистического общества, способное обеспечить высокий уровень материального благосостояния трудящихся в соответстствии с принципами вначале «от каждого — по способностям, каждому — по труду», а затем «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Без общественной собственности на средства производства, без ее умножения не может быть ни социализма, ни, тем более, коммунизма. Поэтому одной из важнейших заповедей строителя коммунизма является бережное, заботливое отношение к народному добру. Владимир Ильич Ленин писал и подчеркивал: «Коммунизм начинается

там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране *каждого пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей...» (Соч., изд. 4-е, т. 29, стр. 394).

Лишь на основе общественной собственности интересы всех членов общества сливаются воедино. Капиталистическая собственность, которую воспевают буржуазные идеологи, неизбежно противопоставляет людей друг другу, делит их на враждебные классы, порождает и укрепляет звериный принцип: «человек человеку — волк». Только общественная собственность способна искоренить звериный принцип и утвердить между людьми гуманные, подлинно человеческие отношения, при которых человек человеку — друг, товарищ и брат. Советский человек уже сейчас, при социализме (на первой фазе коммунизма), по всему своему духовному складу коллективист. Он глубоко сознает, что его личное благополучие находится в прямой зависимости от благополучия всех трудящихся, от общих успехов в борьбе за укрепление и развитие социализма, за коммунизм.

Кому же не ясно, что закон божий совершенно непригоден для воспитания такого рода моральных качеств. Всем своим содержанием он способен воспитать лишь прямо противоположные качества.

Правда, человеколюбивых, гуманных с виду слов в законе божьем хоть отбавляй. Но слова словами, а подлинный их смысл остается весьма далеким от гуманизма. Закон божий — это идеология защиты частной собственности на средства производства и, вместе с ней, защиты тех звериных взаимоотношений между людьми, которые неизбежно складываются на ее основе.

Эти отношения, как говорил В. И. Ленин, построены на таком принципе: либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя; либо ты рабовладелец, либо ты раб. Общество, имеющее фундаментом частную собственность на средства производства, неизбежно ставит людей во враждебные отношения друг к другу и воспитывает их именно в таком духе. Закон божий, будучи детищем такого общества, играет в этом, несмотря на свои внешние гуманные заповеди, далеко не последнюю роль.

Подальше от всего мирского, в том числе и в первую очередь от людей, от общества, поближе к внемирскому, небесному, божественному — вот к чему зовет весь дух закона божьего. Он учит, что тебе, труженику, угнетенному и обездоленному, не на что и не на кого надеяться, кроме как на бога. Бог, и только бог твоя помощь и отрада. Лишь он не подведет. Только божий суд правильно рассудит и воздаст за все и хорошее и плохое. Каждый лично ответствен за свои грехи. Никто из людей облегчить твою греховную ношу не может. Спасение твоей души — это сугубо твое личное дело. «Каждый за себя, один бог за всех» — в этом принципе выражена самая тесная связь между индивидуализмом, эгоизмом, идеологией взаимного недоверия, с одной стороны, и поучениями закона божьего — с другой. Индивидуализм и эгоизм, составляющие главную черту буржуазной морали и поддерживаемые всем идейным содержанием закона божьего, представляют собой прямую противоположность коллективизму коммунистической морали, одному из важнейших правил социалистического и коммунистического общежития — каждый за всех, все за одного.

Что касается таких заповедей закона божьего, как любовь к ближнему и т. п., то они призваны не столько выражать, сколько скрывать, маскировать антигуман-

ную, человеконенавистническую сущность эксплуататорской, в том числе буржуазной, морали.

Мы уже не говорим о том, что закон божий до предела унижает человека, ставит ни во что человеческое достоинство, относится к человеку как к существу греховному, падшему, достойному лишь презрения. Закон божий всей своей сущностью внушает верующему мысль о необходимости и правомерности страданий во имя искупления грехов, воспевает горестную, мучительную жизнь как средство спасения после смерти и другие бесчеловечные идеи. Об этом достаточно пространно говорилось выше.

Позволительно спросить: в чем же гуманность, в чем человеколюбие закона божьего? Нет их ни в чем.

Разделяя людей по вероисповедному признаку, закон божий противостоит интернационализму коммунистической морали, таким ее принципам, как дружба и братство всех народов, братская солидарность с трудящимися всех стран. Недоверие между народами, всякого рода идеи расового превосходства органически чужды нравственным чувствам человека, воспитанного в духе коммунистической морали.

Между тем закон божий и в этой части на стороне идеологии и морали эксплуататорских классов. Из всего содержания закона божьего следует, что людей другой веры (что чаще всего совпадает с принадлежностью к другой нации) следует презирать и ненавидеть как врагов того бога, в которого ты веруешь. Каждый верующий обязан, согласно закону божьему, помнить, что главным его врагом является враг его бога.

Правда, в последнее время церковь пытается смягчить вражду между вероисповеданиями. Есть даже стремление различных церквей к объединению. Но в этом движении нет ничего иного, кроме попыток одну

форму взаимного недоверия заменить другой. Оно вызвано тревогой церковнослужителей: все больше падает престиж церкви среди верующих, распространяется безразличное отношение к религии, неверие, безбожие. Поэтому руководители различных церквей готовы забыть или хотя бы смягчить взаимные распри и направить общее усилие против атеизма.

Да, коммунистическая мораль является безбожной моралью и всеми своими принципами противостоит закону божьему. Но коммунистической морали, моральному кодексу строителя коммунизма вовсе не свойственно и даже чуждо чувство недоверия и, тем более, презрения к верующему человеку. Разоблачая закон божий как враждебный коммунистической морали, коммунисты не допускают оскорбления религиозных чувств верующего человека. Нельзя, неправильно отождествлять отношение коммунистов к религии с их же отношением к трудящимся верующим, как это делают зарубежные церковные пропагандисты, да и не только зарубежные. Отношение коммунистов к религии и отношение их к трудящимся верующим — это совершенно разные вещи. Согласно кодексу коммунистической морали, человек человеку — друг, товарищ и брат, независимо от их отношения к религии.

Ничего подобного нельзя сказать о религиозной морали, представленной в законе божьем. Из всего духа закона божьего следует враждебное отношение не только к безбожной идеологии, но и к тем людям, которые этой идеологии придерживаются, то есть к неверующим. Согласно закону божьему, первый и самый злостный преступник перед богом, которого следует всячески преследовать, — безбожник. Церковь, когда имела власть, так и поступала. Люди, посмевшие высказать то или иное сомнение в истинности религиозного учения, подвергались преследованию. Если в наше

время это не делается, то не потому, что церковь изменила свое отношение к неверующим или сомневающимся, а потому, что потеряла реальную власть.

Антиобщественный характер закона божьего проявляется даже в таких, казалось бы, сугубо личных отношениях, как семья, отношения между супругами, а также между родителями и детьми.

Семья — первичная ячейка, клеточка общества. В ней находят прямое отражение те общественные отношения, которые для данного общества характерны. Отношения господства и подчинения, свойственные классовому эксплуататорскому обществу, так или иначе проникают и в семью. Хозяином дома, главой семьи испокон веков считался мужчина. Это вековая традиция общества, разделенного на господ и рабов, на хозяев и слуг.

Неравноправию женщины в полной мере кладет конец только социализм. При социализме создаются условия для действительно чистых семейных отношений, свободных от материального расчета, от какого бы то ни было принуждения и насилия.

Трудно отыскать что-нибудь положительное и во взглядах закона божьего на семью, если судить о нем опять-таки не столько по букве его, сколько по духу. Проявляя особую привязанность к социальному неравенству в любых видах, закон божий цепляется и за малейшие проявления неравноправия между мужчиной и женщиной, оправдывая и защищая их именем бога. Религиозная идеология ставит женщину в унизительное положение перед мужчиной. В Библии женщина рассматривается как собственность мужчины, наряду с домом, ослом и другими предметами. В одной из иудейских молитв, предназначенных для мужчины, есть такие слова: «Слава тебе, боже, что ты не создал меня женщиной».

До недавнего времени женщине было строго запрещено входить в алтарь христианского храма, как нечистой силе, способной осквернить его. В смысле презрения к женщине особенно суров закон божий в исламском вероучении. Да и во всех вероучениях женщина — это «исчадие ада», «дьяволов сосуд», греховное существо. И все это потому, что, как проповедует церковь, инициатива в пресловутом грехопадении принадлежала женщине!

Именем закона божьего церковь благословляет неравный брак. Она ставит мужчину в семье господином, а жене повелевает повиноваться мужу своему. Чего стоят одни только слова священника, произносимые по ритуалу в самый торжественный момент венчания: «Да убоится жена мужа своего!» Как нелепо, как дико все это с позиций коммунистической морали!

Везде и во всем закон божий поддерживает все то, что ведет свою родословную от социального неравенства, связанного в прошлом с гнетом и бесправием трудящихся. В мягких словах закона божьего содержатся оправдания весьма жестких дел, чуждых нашей социалистической действительности.

В этом отношении заслуживает особого внимания заповедь закона божьего, призывающая любить врагов. «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» — написано в Библии. Радетели закона божьего воспевают это как высшую степень человеколюбия. Любить не только друга (это-де всякий может!), а и врага! Но кому не ясно, что такое «человеколюбие» является человеконенавистничеством наизнанку? Любить бандита, насильника, грабителя, прощать все их злодеяния — значит ставить под удар честных людей, совершать перед ними преступление, выступать против них с ножом в спину.

Если понимать эту заповедь так, как она написана (а иного понимания не может быть), то что же получается? Допустим, вам или вашим близким (отцу, матери, вашему ребенку) грозит бандит... Как вы должны поступить? Отдаться на милость бандиту да еще молиться за него, несмотря на обиды и даже преступления с его стороны? Если на вашу Родину напали агрессоры вроде гитлеровских грабителей и убийц, — что тогда? Неужто с любовью и смирением стать перед ними на коленях во имя заповеди господней «любите врагов ваших»? Каждый честный человек скажет: «Нет, любить злодеев, врагов моей Родины никогда не буду!»

Заповедь любви к врагам служит лишь показателем того, что скрывается под внешне задушевными, человеколюбивыми словами закона божьего. Нравственный закон строителя коммунизма такой «гуманизм», такое «человеколюбие» вместе со всем лицемерием закона божьего отвергает с порога и провозглашает в качестве своих заповедей непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов, непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству. Эти заповеди продиктованы не притворной, не ложной, а подлинной любовью к человеку. Подлинная любовь к людям невозможна без ненависти к их врагам, без непримиримости ко всему тому, что приносит людям ущерб, что мешает им строить достойную человека жизнь.

Здесь уместно вспомнить один факт, показывающий отношение В. И. Ленина к затронутому вопросу. Как-то Н. К. Крупская прочитала в газете отзыв одного писателя о В. И. Ленине. Писатель характеризует В. И. Ленина «всегда добрейшим человеком, чутким, отзывчивым, даже «всепрощающим». «В слове «добрейший» уже имеется привкус мещанства, «всепрощаю-

щий» — это уж толстовство какое-то», — писала Н. К. Крупская и напоминала, что Владимир Ильич Ленин был замечательно цельным человеком, что он всегда оставался одним и тем же как в быту, так и в борьбе. «Чуткость и отзывчивость, — писала она далее, — ни в каком противоречии с суровой непримиримостью и ненавистью к врагам революции не находятся».

Доброта, гуманность, человеколюбие строителя коммунизма выражаются прежде всего в том, что он преобразует жизнь в интересах человека, в интересах трудящихся. Будучи внимательным, чутким, добрым к своим товарищам по труду, он тверд и непримирим ко всякого рода недостаткам, мешающим людям жить, трудиться и наслаждаться плодами своего труда. Даже в наших повседневных, будничных делах, не говоря уж об общем фронте революционной борьбы за дело коммунизма, наряду с чуткостью и внимательностью к людям нужна строгая требовательность, а иногда, ради интересов общества, и суровость. Что было бы, если бы мы оставляли каждый раз безнаказанными виновников тех или иных безобразий, не взыскивали бы с нарушителей правил социалистического общежития, не осуждали бы преступников? Такая доброта и гуманность содействовали бы далеко не добрым и далеко не гуманным делам и шли бы в ущерб народу. Правда, зато они отвечали бы духу закона божьего.

Наконец, что может противопоставить закон божий такому требованию нравственности в подлинном смысле слова, как честность, правдивость, простота и скромность в общественной и личной жизни человека?

Проповедники закона божьего скажут, что именно эти требования содержатся в законе божьем в большей мере, чем в каком бы то ни было другом нравственном законе. Да, о них в законе божьем говорится много и

громко. Но... приходится сталкиваться все с тем же: с полным разрывом привлекательной фразы с существом дела.

Как можно ожидать от закона божьего правдивости, если он является составной частью учения, которое имеет своей исходной позицией извращение истины, заблуждение, заведомо ложное представление о мире? Ведь закон божий провозглашает свои заповеди от имени несуществующего бога, вводя этим верующих в заблуждение, или, говоря прямее, обманывая их. Как можно говорить о законе божьем как источнике честности и нравственной чистоты, если он оправдывает такую мерзость, как порабощение, гнет, эксплуатацию? В течение тысячелетий существования классового эксплуататорского общества закон божий содействовал увековечению социального рабства, советовал угнетенным не бороться за свое освобождение, а повиноваться своим угнетателям. Всем содержанием своих идей закон божий призывает отказаться от борьбы за реальное земное счастье ради вымышленного небесного. Разве это честно? Разве это нравственно? Как можно ложь и обман считать признаками честности и нравственности? А ведь по закону божьему честно и нравственно все, что исходит от бога, даже если дело идет о самом страшном преступлении? Но такова уж привилегия бога и всех, кто выступает от его имени: черное выдают за белое, а белое — за черное.

В законе божьем все поставлено с ног на голову. Даже такие, казалось бы, ясные требования, как скромность и простота, приобретают в законе божьем до неузнаваемости извращенный смысл. Под видом скромности и простоты проповедуются самоунижение, отказ от чувства человеческого достоинства, признание всего своего ничтожества перед лицом бога, а практически — и перед сильными мира сего, то есть перед эксплуататорами трудящихся.

Так выглядит закон божий перед лицом закона человеческого. В законе божьем нет ничего живого, пригодного для нашей социалистической жизни. Он весь в прошлом. Его заповедям нет места в сознании передового советского человека — сознательного борца за коммунизм.

ОБРЕЧЕННЫЙ НА ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Проповедники да и просто почитатели закона божьего, обращаясь к атеистам, нередко говорят: «Если, как вы утверждаете, нет бога, то зачем же вы тратите усилия на борьбу с религией, развертываете атеистическую пропаганду? Не признаете ли вы этим самым косвенно, что бог все же есть?»

А некоторые проповедники, в особенности в странах капитала, не прочь даже использовать наличие верующих в нашей стране для подтверждения идеи вечности и неискоренимости религии. Посмотрите, говорят они, на СССР. Вот уже почти полвека там безбожный коммунизм. И что же? Верующие есть, наиболее стойкие в вере люди не покидают церковь, продолжают молиться, жить по закону божьему. Значит, вера, мол, жива. Значит, она — негасимый божественный огонь в душе человека и во веки веков неодолима.

Что можно сказать по поводу такого рода заявлений?

Да, атеисты (а таковых в наше время большинство) нисколько не сомневаются, что бога нет. Однако никому из них не приходило в голову утверждать, что нет религии. Она есть, и не случайно, а закономерно, в определенных общественных условиях она даже неизбежна. На основе заблуждений, порожденных забитостью масс в условиях классового эксплуататорского общества, «отцы церкви» создали вероучения, включающие в себя рели-

гиозное учение о правилах жизни и поведении человека, именуемое законом божьим.

Вот и выходит, что хотя бога и нет, но закон божий (точнее, церковное учение о законе божьем) существует, и с ним приходится вести борьбу. Да и как не вести, если под благовидным предлогом он оправдывает весьма неблаговидные общественные порядки! Используя искренние чувства простых верующих людей, их веру в благость и неподкупную справедливость несуществующего бога, закон божий побуждает их мириться с несправедливостью и величайшим злом на земле в ущерб самим себе и своим близким.

Что же касается того, что в Советском Союзе есть еще верующие, то здесь нет ничего удивительного и тем более мистического. Видеть в этом подтверждение идей вечности и неискоренимости религии — значит преднамеренно закрывать глаза на другое. Всякий человек, кому природой даны глаза, чтобы видеть, а рассудок, чтобы мыслить и из бесспорных фактов делать правильные выводы, обратит внимание прежде всего на главное, решающее. А главное состоит в том, что в нашей стране подавляющее большинство в недавнем прошлом верующих не имеет ныне ничего общего с религией и церковью. Даже люди, еще не покинувшие церковь, соблюдают религиозные обряды чаще всего лишь по традиции. Кому же не ясно, что неуклонный подъем благосостояния советского народа, его культуры, повседневное воплощение в жизнь программного принципа Коммунистической партии — все во имя человека, для блага человека, — с каждым днем приближает то время, когда все наше общество будет сплошь атеистическим. Те из защитников закона божьего, кто способен смотреть правде в глаза, не могут не признать, как бы это ни было прискорбно для них, что религия при всей своей цепкости и живучести идет к своему концу — полному исчезновению.

Разумеется, никто из серьезных атеистов не станет утверждать, что вера в бога — это такой пустяк, с которым легко справиться. Несмотря на то что в религиозном учении нет ни грана истины, вера в бога не висит в воздухе. Наивно было бы думать, что кто-то просто-напросто придумал закон божий, сочинил его из головы. Кстати говоря, передовые мыслители до Маркса и Энгельса так и считали. Но дело обстоит не так просто.

Конечно, закон божий — дело рук человеческих. Но он не просто вымысел, а порождение тех общественных условий, в которых в течение веков жили люди.

Выше уже говорилось, что к богу обращаются чаще всего не в радости, а в горе. Безысходная нужда, беспросветность, неверие в собственные силы — вот почва для религии. В тяжелых социальных условиях жили и живут поныне в большинстве стран огромные массы людей. В их сердцах и находит себе место вера в бога и лучшую загробную жизнь.

В Советской стране и других странах социализма с такими условиями давно покончено. Именно на этой основе произошел у нас массовый отход населения от веры в бога, а вместе с тем и от закона божьего, от тех норм нравственности, которые проповедует церковь. Но этот отход еще не закончен. Определенная часть наших людей продолжает посещать церковь, молиться богу и думать, что проповедуемые религией заповеди исходят от бога. Чем это объяснить?

Религия весьма старая идеология. Своими корнями она уходит в глубь тысячелетий. На протяжении всей истории человеческого общества ей принадлежало (а в капиталистическом мире принадлежит и сейчас) господствующее положение. Религия проникла во все поры духовной жизни, вошла в быт, тесно сплелась с традициями, обычаями и обрядами, которые складывались веками. И не так-то просто теперь за сравнительно короткий

срок полностью освободиться от того, что накапливалось и укоренялось веками.

Религия держится в сознании верующих главным образом силой традиции, веками укоренившейся привычки. Благодаря ей религия способна еще долго цепляться за жизнь, оказывать свое влияние даже на людей младшего поколения, родившегося уже при социализме, где давно ликвидирована та социальная почва, на которой произрастает вера в бога. Причем когда речь идет о том, что религия держится силой традиции, нельзя сводить все дело к привычке почитать бога. Главное здесь в привязанности к тем обычаям, обрядам, ритуалам, которые присвоила себе церковь. Бывает в нашей жизни, когда человек, уже не верящий в бога, все еще отмечает тот или иной религиозный праздник, пользуется старыми ритуалами свадьбы, рождения ребенка, новоселья, похорон и т. д. Но если это делает иногда даже неверующий, то тем легче понять верующего. Привязанность к старым обычаям и обрядам серьезно затрудняет его отход от религии и церкви.

Главная причина того, что и в СССР есть еще верующие, коренится в отставании сознания людей от тех социальных изменений, которые происходят в жизни.

Разумеется, дело не только в этом. Если у нас нет социального гнета, эксплуатации человека человеком, покончено с бесправием, нищетой и темнотой масс, то есть нет тех причин, которые побуждают верить в бога и лучшую загробную жизнь, то это вовсе не значит, что у нас нет никаких трудностей, что все нам дается легко и просто, без упорной борьбы и труда.

Правда, наши трудности носят совершенно иной характер, чем то, что испытывают массы при капитализме и любом другом строе, основанном на порабощении и эксплуатации трудящихся. Это трудности бурного роста нашей экономики, развития культуры, науки, техники,

нашего стремительного движения вперед. Они носят сугубо временный характер и каждый раз успешно преодолеваются. В ходе их преодоления растет мощь Советского государства, множатся его богатства, улучшается жизнь трудящихся, становятся все более радужными перспективы на будущее, укрепляется моральный дух советских людей, их вера в свои силы. Но это означает смерть для религии, паразитирующей на человеческих слабостях и бедах.

Тем не менее не исключается и другое: у отдельных людей, не успевших прочно отойти от религии, те или иные трудности или неудачи способны подкреплять или оживлять религиозные чувства. Примером тому могут служить факты, относящиеся ко времени Великой Отечественной войны. Испытания войны, как бы они ни были суровы, советские люди, как известно, выдержали с честью. В героической победе, одержанной над вероломным врагом, сказались высокие моральные качества советских людей, крепость их духа и сила коммунистической идеологии. Но война есть война. Она связана с трудностями, лишениями, жертвами, тревогами за жизнь родных и близких, за судьбу Родины. А где человеческое горе и слезы, там наиболее благоприятна почва для религии. Поэтому в годы войны и в первые годы послевоенного времени наблюдалось оживление религиозных настроений среди части людей, не успевших прочно стать на атеистические позиции. Так, например, гражданка А. В. Куприянова (г. Пушкино Московской области), потеряв сына Ивана за три дня до конца войны, впала в отчаяние, стала ходить в храм, искать утешение в религии. Такого рода факты имеются и в наши дни. Вот Мария Козлова (г. Подольск Московской области) пишет в письме: «Муж покинул меня с дочкой. На душе очень тяжело, но чем помочь своему горю — я не знала. Вот тогда-то ко мне пришли из секты евангельских христиан-

баптистов и посоветовали молиться, просить бога отпустить все мои грехи, вернуть мужа. И я стала молиться. Сознание было затуманено одной мыслью: надо молиться».

К сожалению, бывают у нас случаи, когда человек, попавший в затруднительное положение, не находит вовремя поддержки со стороны своего коллектива или соответствующего учреждения. А такими случаями в жизни человека пользуются служители закона божьего, в особенности сектантские проповедники. Они, как говорится, тут как тут! Спешат порадеть и посочувствовать человеку, даже оказать материальную помощь (конечно, за счет приношений самих же верующих). Ловят момент, когда человек в беде. В их цели вовсе не входит беспокоиться за благосостояние народа в целом. Наоборот, их хлеб — народная нужда, всякого рода неурядицы и невзгоды, опираясь на которые они возбуждают и подогревают религиозные чувства верующих. Та же Мария Козлова, которую сектанты втянули на свои моления, пишет: «Молилась я день и ночь как в угаре. А что толку? Абсолютно никакого».

Религиозные предрассудки по сравнению со всеми другими пережитками прошлого находятся в несколько особом положении. В самом деле, у нас нет и не может быть учреждений или организаций, которые поддерживали бы и пропагандировали, скажем, националистические предрассудки, или частнособственническую психологию, или нерадивое отношение к труду, или любой другой пережиток прошлого. Исключением является религия. Специальные учреждения, служители церкви только тем и заняты, что неустанно твердят о боге, всячески подогревают религиозные предрассудки, все делают для того, чтобы продлить их существование.

Надо сказать, что деятельность церковников развертывается не на пустом месте. Привязанность к старому,

хотя и явно нелепому, нередко берет верх над очевидной истиной. Верующий — это человек предубежденный. Он заранее предрасположен воспринимать религию, а не атеизм. Всем складом своего ума и сердца он тянется не к истине, а к заблуждению, пока не пробудится от религиозного сна. Именно этим и пользуется церковь, удерживая под своим влиянием часть советских людей.

Таким образом, религия опирается не только на силу традиции, но и на повседневную деятельность духовенства, предпринимающего отчаянные усилия, чтобы удержать за собой верующих, продлить существование религии. Церковь располагает огромным, многовековым опытом воздействия на верующих. Она умело приспосабливается к новым условиям, использует любую отдушину для пропаганды религии. Сектантские проповедники, охотясь за человеческими душами, не прочь проявить подчас трогательную заботу о человеке, попавшем в беду, хотя за эту заботу ему приходится впоследствии расплачиваться очень дорого.

Имеет свое значение и тот факт, что мы, атеисты, допускаем подчас серьезные недостатки в нашей атеистической работе. Не все из нас хорошо знают внутренний мир верующего человека, которого ведь тоже нужно понять, прежде чем заводить с ним серьезный разговор о религии. Иные атеисты склонны мерить верующего на свой аршин и удивляются, как это человек нашего времени может всерьез говорить о боге, верить в загробную жизнь?

Неумение, а порой и нежелание понять верующего, всерьез разобраться в его чувствах ведут к тому, что разговора не получается. Бывает, когда дело в таких случаях кончается административными мерами в отношении верующих. А это уж никуда не годится. Коммунистическая партия, марксистско-ленинский атеизм такие методы борьбы с религией осуждают как вредные.

Словом, и в нашей социалистической жизни, где уже нет условий, порождающих веру в бога, есть причины, затрудняющие ее преодоление. Главной из таких причин является, повторяем, привязанность к старому, привычному, веками существующему. Сила традиции — это, как не раз подчеркивал В. И. Ленин, огромная сила.

Однако, как бы ни была велика эта сила, на ней слишком долго не продержишься, если в недрах сегодняшней жизни, в ее экономическом фундаменте уже нет тех причин, которые порождали бы веру в бога и его нравственный закон. А ведь именно таковой является наша советская социалистическая жизнь. Несмотря на то что нашим людям еще приходится сталкиваться с теми или иными трудностями, что есть еще не решенные вопросы в области материального благосостояния, что еще встречаются факты невнимательного, а то и бездушного отношения к человеку, что еще недостаточно высок уровень культуры отдельных людей, чем пользуется церковь для продления религии, — все же жизнь нашего общества в целом такова, что вера в бога находит в ней с каждым днем все меньше и меньше пищи.

Недоброжелатели нашей страны и нашей новой жизни пытаются изобразить, будто кто-то запрещает молиться, отправлять религиозные культы. Ничего подобного нет в Советском Союзе, кроме разве отдельных фактов, с которыми наша общественность ведет борьбу как с грубым нарушением советского законодательства о культах. Вера в бога и вытекающие из нее действия людей отошли далеко на задний план, на задворки нашей жизни, потому что вера в бога безнадежно устарела. Она пришла в прямое несоответствие с устремлениями, взглядами, нормами поведения человека нового мира, новой формации.

Советские люди построили социализм и строят ныне коммунизм. Эти привычные для нас обыденные слова

отражают великое чудо мировой истории. Впервые за долгие тысячелетия существования и развития человеческого общества люди властвуют над своей судьбой, идут по заранее намеченному пути и приходят каждый раз к тем результатам, которые намечают в своих планах.

Даже в тех капиталистических странах, где осуществлены высшие достижения современной техники, человек остается рабом слепых сил общественного развития. В. И. Ленин писал в свое время о слепой силе капитала, которая господствует над людьми, держит их в постоянном страхе за завтрашний день, порождает в их сознании фантастические представления о божественном провидении.

Коренным образом меняется дело при социализме. Особенность этого строя состоит в том, что он устанавливается не стихийно, не по так называемой божьей воле, а строится трудящимися сознательно, преднамеренно.

Странным было бы говорить о строительстве капитализма или о строительстве феодализма. Даже такое сочетание слов звучит нелепо. Это и понятно, ибо ни первобытнообщинный строй, ни рабовладельческий, ни феодальный, ни капиталистический — никто не строил и не мог строить. Каждая из этих форм общественной жизни возникала и развивалась стихийно, выступая перед человеком как «некое установление свыше», как «предначертание божее», о чем эксплуататорские классы твердили трудящимся.

Только социализм и его высшая стадия — коммунизм представляют собой результат преднамеренной, сознательной деятельности людей — рабочего класса и всех трудящихся под руководством Коммунистической партии. Только при социализме (и в особенности при коммунизме) чудеса науки и техники ставятся на службу человеку и все в большей мере делают его властелином природы и общественной жизни.

Где же здесь приютиться закону божьему с его идеями «ничтожности и беспомощности» человека? Где здесь место требованиям закона божьего о беспрекословном подчинении судьбе, якобы посланной от самого бога?

У строителя коммунистического общества нет никакой нужды обращаться за помощью к небу, поскольку человек сам распоряжается своей судьбой. Весь образ его повседневной жизни органически чужд какому бы то ни было раболепству и самоунижению, без чего немыслима религиозная вера. Где люди осознают свои способности добиваться поставленных целей, где утверждается вера человека в собственные силы, там для религиозной веры, а значит, и для слепого преклонения перед законом божьим места нет.

Закон божий — это, как уже говорилось, закон рабского преклонения человека перед богом. А поскольку от имени бога говорят люди, и именно те, кто, пользуясь властью, присвоил себе монопольное право истолковывать божью волю, то закон божий есть закон порабощения человека человеком. Стоит поближе приглядеться к закону божьему, чтобы опознать на его страницах почерк рабовладельца, феодала, капиталиста, увидеть, что этот закон написан не по вдохновению божьему, а по вдохновению и даже под диктовку эксплуататорских классов.

Все, что продиктовано эксплуататорами и написано их идеологами, давно перестало быть законом для нас, советских людей. Мы живем и мыслим по законам социалистического общества, по законам строительства коммунизма. У нас навсегда покончено с законом господства и подчинения, нет ни господ, ни рабов, установлены совершенно новые, истинно братские отношения между людьми. В таких условиях закон божий теряет силу, обречен на неизбежное исчезновение.

Наша великая цель — коммунизм. Это поистине святое для нас слово ненавистно лишь для тех, кто хотел

бы увековечить старый мир. Идеологи старого мира, в том числе «отцы церкви» во главе с папой римским, называющим себя «наместником бога на земле», обрушились на коммунизм еще тогда, когда только зародились его идеи, когда он, по выражению Маркса и Энгельса, только призраком начал бродить по Европе.

Теперь же коммунизм не призрак, а реальность. Его идеи воплощаются в жизнь на огромной части нашей планеты. С тем бóльшим содроганием и ненавистью шлют ему проклятия идеологи старого мира, пытаясь «доказать» его незаконность.

Что и говорить, если рассуждать с точки зрения закона божьего! Ведь коммунизм действительно дело незаконное. Его идеи, будучи безбожными, могут воплощаться в жизнь только вопреки установлениям божьим. И если бы бог существовал, он вряд ли допустил бы что-нибудь подобное. Но все дело в том, что дело делается не по воле бога, а по воле человека, притом человека, живущего по закону истинно человеческому, а не по закону божьему. Если бы советские люди руководствовались законом божьим, соблюдали бы содержащиеся в нем правила жизни, они должны были бы сидеть сложа руки и ждать милостей господних. Но такая установка противоречит всему тому, чем живет и к чему стремится борец за новую жизнь, за реальное человеческое счастье. С его позиции незаконным, до крайности несправедливым является не коммунизм, несущий трудящимся массам радостную жизнь на земле, а современный капитализм с такими неотъемлемыми от него свойствами, как эксплуатация человека человеком, колониальный разбой, разрушительные войны.

Короче говоря, в нашей сегодняшней социалистической жизни нет почвы для закона божьего. Он вынужден жить не сегодняшним, а вчерашним днем, находить себе пищу в том, что уже отжило свой век, что мы еще

не успели преодолеть, то есть питаться мертвечиной. Это и значит, что в нашей стране закон божий является, строго говоря, уже незаконным. Если он в какой-то мере еще и действует, то уже доживает свой век, отмирает. Его отменяет сама наша социалистическая жизнь.

Проповедники религии, особенно зарубежные богословы, сетуют на то, что в Советском Союзе не созданы-де необходимые условия для воспитания людей в духе закона божьего, ограничиваются права и возможности церкви в этом отношении. Это именуется у богословов «ущемлением свободы совести».

Но у богословов слишком своеобразные, прямо скажем, извращенные представления о свободе совести. С их точки зрения, свобода совести — это свобода навязывать людям взгляды на мир, не совместимые с современным уровнем науки, с уровнем культуры современного человека. Получается очень забавно: обработка людей в духе заведомо ложных, антинаучных взглядов, безнадежно устаревших, извращающих истину, — это свобода совести, тогда как пропаганда научного представления о мире, соответствующего истине, — это нарушение свободы совести. Такое понимание свободы совести точь-в-точь совпадает с буржуазным пониманием свободы вообще. Буржуа считает свободой только такой порядок, где можно беспрепятственно наживаться за счет нищеты и бесправия трудящихся масс, где можно свободно грабить, насиловать, угнетать. С позиций эксплуататора это и есть свобода. Именно с таких позиций решают идеологи современной буржуазии и вопрос о свободе совести. Богословы же лишь вторят им. Естественно, что никто из непредубежденных людей с таким пониманием свободы совести согласиться не может.

В наше время, особенно в условиях социализма, человек не станет верующим, если не вбивать ему в голову закон божий еще с детства. Но вбивать в голову чело-

века то, что само собой, без насилия в нее не лезет, разве это свобода?

Элементарный опыт повседневной жизни свидетельствует, что ребенок, которого не воспитывают ни в духе религии, ни в духе атеизма, то есть если ему ничего не говорят ни за веру в бога, ни против веры в бога, вырастет неверующим человеком. Это ли не говорит о том, что воспитание ребенка в духе религии есть, по сути дела, насилие, а значит — нарушение свободы совести.

Мы за свободу совести, но подлинную, а не извращенную. Свобода совести в ее истинном смысле означает свободу не только веровать в любого бога, но и не веровать ни в какого бога и вести научно-атеистическую пропаганду, что и обеспечено советским законодательством о культах. Ну а если сама жизнь против религии, если сама жизнь убеждает людей в правоте науки и атеизма, тут уже ничего не поделаешь. Мы можем только радоваться тому, что советские люди воспитываются в соответствии с требованиями жизни, а не религии, не закона божьего.

Религия — удел слабых. Она, как говорилось выше, возникла в свое время на почве жестоких поражений человека в борьбе с природой и социальным гнетом. Ее нравственный закон, именуемый законом божьим, закреплял и увековечивал эти поражения.

Возвышая вымышленного бога и унижая человека, закон божий ложился невыносимым бременем на сознание человека, обрекая его на бездействие и прозябание. Подменяя научную истину заблуждением, закон божий играл роль черной повязки на глазах человека. Внушая надежду на небесную награду за земные невзгоды, он питал человека иллюзиями и лишал подлинных радостей и счастья. Вот почему сейчас, когда закону божьему приходит конец, мы с чистым сердцем можем сказать: туда ему и дорога!

СОДЕРЖАНИЕ

Колоницкий Петр Федотович

СЛОВО О ЗАКОНЕ БОЖЬЕМ

М «Московский рабочий» 1966
144с 2

Редактор *А. Тарарухин*
Художник *П. Зубченков*
Технический редактор *Л. Маракасова*
Издательство «Московский рабочий»,
Москва, пр. Владимирова, 6.

Л28881. Подписано к печати 6/VI 1966 г.
Формат бумаги 70×108 1/32. Бум. л. 2,25.
Печ. л. 7,38. Уч.-изд. л. 6,40. Тираж 35 000.
Тем. план 1965 г. № 447. Цена 20 коп.
Зак. 436.

Типография изд-ва «Московский рабочий».

20 копъ.

СЛОВО О ЗАКОНЕ БОЖЬЕМ. П. КОЛОНИЦКИЙ